

Вундеркинды поневоле

Дело было вечером

Делать было нечего

/С. Михалков/

Перед летней ссылкой к бабушкам два закадычных друга Ромка и Валерка сидели во дворе на перекладине низкого заборчика, огораживающего палисадник, и попеременно вздыхали, выражая тоску по предстоящей разлуке. Конец мая подскочил незаметно. Казалось, только-только пошли первого сентября в школу, в третий класс, и на тебе – летние каникулы. Радостно конечно, но грядет расставание на долгих три месяца. Как обойтись друг без друга? Никак...

А заботливые родители, решившие привычно упечь любимых деток к бабушкам, не могут взять в толк, что разлука – смерти подобна. Другим пацанам без разницы, где играть в компьютерные игры, у Ромки и Валерки свои интересы. Нет, конечно, они тоже любят зависать на компе, но на первом месте у них общение друг с другом. У Ромки Дианкина отец - археолог, обожает рассказывать своему сыну о невиданных находках, делится познаниями по истории. А сын – благодарный слушатель. Не просто слушатель, но и рассказчик не абы какой, дословно передает приятелю почерпанные сведения. Дословно, без сомнения, потому что у него великолепная память. Впрочем, как и у его друга Валерки, который засасывает в свою голову всё подряд, как пылесос пыль и грязь. Так утверждают его родители.

Валерка читает запоем все подряд, даже то, что для его детского ума не предназначено – научные труды. Ромка читать не любит, предпочитает отцовские рассказы, занимательные передачи по телеку, интересную информацию в сети. Родители и этому рады – все-таки не сидит круглосуточно перед монитором, сочетает «вредное с полезным». Так успокаивает себя его мать, врач-педиатр в детской поликлинике.

У Валерки Шурупова отец - старший следователь следственного комитета, мать - судья городского суда. О своей работе они предпочитают не рассказывать сыну, берегут его психику, но наедине обсуждают пройденный день. Не всегда, но иной раз бывает. Тогда сын совершенно случайно узнает подробности дела, которое сегодня рассматривалось в городском суде. Или о задержании опасного преступника, который был в розыске несколько лет и, наконец, был задержан нашими доблестными правоохранительными органами и доставлен на допрос к старшему следователю майору юстиции Шурупову. Благодаря своей памяти, Валерка не упускает ювелирных тонкостей из разговора родителей, и на следующий день по пути в школу докладывает приятелю, притом с таким важно-серьезным видом, будто самолично задержал накануне преступника, самолично допросил и получил признательные показания.

Ромка Дианкин не собирается идти по стопам родителей – не хочет быть ни врачом, ни археологом, пока находится в поиске, но думает, что станет изобретателем. Его друг, напротив, не видит себя никем другим, только сыщиком. У него, и правда, есть чутье. Однажды без труда вычислил, кто стырил деньги у Маши Воропаевой. Оказалось, свой же одноклассник Генка Окунь. И ладно бы остро нуждался, хотя, и это не оправдание. На «допросе» признался, что Маша Воропаева ему нравится. И просил «следователя» никому не рассказывать. Виртуоз-фокусник Шурупов подбросил украденные деньги Воропаевой, затем приказал лучше поискать, чтобы не подвергать ненужным подозрениям одноклассников. Деньги обнаружили в кармане куртки, Маша удивилась своей забывчивости, а тайно уличенный в краже одноклассник заверил юного сыщика, что никогда не будет дразнить его Гвоздем, и другим не позволит. Постепенно приклеенная еще в первом классе кличка Гвоздь отклеилась от Шурупова. Был еще случай. В классе постоянно пропадал мел. Обычный мел, каким пишут на классной доске. Сыщик и тут не оплошал, нашел похитителя мела. Им оказалась молоденькая училка из параллельного класса. Странно, но мел она ела с большим аппетитом. Тырила мел и в своем классе, и в соседних. На вопрос ученика Шурупова «зачем ей это надо», она ответила коротко - «не хватает кальция в организме». Валерка предложил ей купить в аптеке нужные витамины, даже предложил свою помощь, но чужая училка сказала, что мел ей нравится больше. Вскоре училка стала сильно поправляться, затем и

вовсе исчезла. Последний учебный месяц чужой класс доводила другая учительница. А любительницу мела Ромка с Валеркой вчера встретили на улице. Она шла рядом с мужчиной, а мужчина толкал перед собой детскую коляску.

- Я же тебе говорил, что она беременная, а ты не верил, - тихо проговорил Ромка, провожая взглядом молодую счастливую семью. Ромка был более приземленным, Валерка так напичкивал свою голову поверхностными знаниями из разных областей, что на простые, элементарные, знания места не хватало. Он к этому и не стремился – зачем быть, как все. Но Ромку не считал одним из многих, иногда завидовал его скорострельной сообразительности. И старался дотянуться...

- Еще два денечка, и мы разведемся, сегодняшний день не в счет, - печально протянул Дианкин.

- Да, всего два, - подхватил в полной задумчивости Шурупов.

- Надо что-то придумать такое, чтобы было о чем вспоминать все лето.

- Что? – нахмурился приятель, предположив, что Ромка думает выкинуть фортель, как говорит бабушка из Пятигорска, к которой его отправляют. За фортели бабушка может отвесить подзатыльник. Не Валерке, он фортели не выкидывает, а его двоюродному брату Николаю, сыну маминого брата, постоянному жителю Кавказских минеральных вод. Двоюродный братец постоянно получает тумачи от бабушки – женщины скорой на расправу. Но ему и дела мало.

Валерка представил, что они с Ромкой выкинуть фортель, родители проведут ТАКОЙ воспитательный процесс, что останутся следы на определенных местах. На все лето. У Николая всегда остаются отметины после бабушкиного воспитательного процесса.

Пораскинув мозгами, Валерка заявил:

- Не хочу ничего придумывать.

- Тогда я сам...

- И тебе не дам! - перебил Валерка. Сам не знал, что на него нашло. Родители никогда не занимались рукоприкладством. И Ромкины тоже не занимались. По крайней мере, он никогда не жаловался. И за что их мутузить?! Оба учатся нормально. Не отличники, но без троек. Отлынивают от субботников, это да. Не любят возить веником по тротуару, что с того. Кому нравится, тот пусть и возит. Валерку родители за «противопоставление себя коллективу» поругивали, обзывали королевичем Елисеевичем и вручали в руки швабру, чтобы он отработал трудовую повинность на дому, раз отлынивал на субботнике. Проверка досужей хозяйкой всех плохо доступных мест в квартире Шуруповых оставляла за Валерием право вторично вылизывать помещение. На этом хозяйка не успокаивалась. Заставляла сына бегать в магазин за продуктами и (о ужас!) готовить обед. Ах, не умеешь! Что ж, придется научиться. Впредь не будешь ставить из себя королевича Елисеевича. На следующем субботнике Ромка было попытался повыпендриваться, видимо, не отработал трудовую повинность на дому, но приятель быстро его осадил. Они прихватили веники и стали в общий строй мастеров чистоты. Но усердием не выделялись, напротив, училка снова наябедничала по телефону родакам. Почему-то только Валеркиным, будто он один не проявлял усердия. На счастье родаки пребывали в превосходном настроении по случаю профессионального праздника и вежливо попросили ТАК больше не делать, иначе... сам знаешь, чем дело закончится. Потом наступила зима, субботники закончились, только перед каждыми каникулами ученики драили класс. Но Ромка с Валеркой только делали вид, что тщательно вылизывают парту. За них это делала Маша Воропаева. Не безвозмездно – за шоколадку. Машка безумная сладкоежка...

- Валерка, ну, давай что-нибудь замутим, - продолжал канючить Ромка.

- Ты бы лучше уговорил родаков отпустить тебя со мной в Пятигорск, - окрысился приятель.

- А то я не уговаривал. Но они и слушать не хотят. Видите ли, бабушка за мной соскучилась.

- А то нет?

- Соскучилась, конечно. Я у нее один внук.

- Везет же, - хмыкнул Валерка. – А мне опять этого придурка Колю терпеть. Бабушка так орет, что слышно за пятьдесят километров. Голова от них обоих пухнет. – Он показал руками, каких размеров достигает голова – ладони почти касались локаторных ушей.

Ромка подумал: интересно, когда Валеркина голова увеличивается от криков бабушки и оговорок Коляна, уши становятся нормальными, прилипают к голове? Или по-прежнему оттопыриваются? Вообще-то, Валерка считается самым симпатичным в классе, несмотря на лопухие уши. Все девчонки по нему сохнут. Даже Вика Кривцова, на которую засматриваются старшеклассники, ученики пятого и шестого класса. Но Вика отдает предпочтение Шурупову. А сам Шурупов будто бы не замечает ее интереса. А Ромка замечает. И не завидует.

- Валер, а поехали к моей бабушке в Астрахань. Будем на рыбалку ходить.

- Мы уже это обсуждали. И пытались уговорить моих родителей. Прежде чем дать свое согласие, поговорили с твоими родителями. Они не отказали, но дали понять, что старушка двоих мальчишек не потянет. Здоровье слабое.

- Давай еще разик попытаемся. Мы же не младенцы, подгузник менять не надо, кормить с ложечки тоже не надо. Мы самостоятельные.

- И взрослые, - подсказал Шурупов. – Если понадобится сбегать в аптеку за лекарством, всегда, пожалуйста. Или навести в доме порядок. Я могу и обед приготовить.

Ромка недоверчиво посмотрел на друга.

- Да, научился, - развел руками Валерий. – Пришлось научиться после того, как мы отлынивали на субботнике.

- Мой папа ограничился лекцией о пользе общественного труда. Но лекция была такой длинной и нудной, что лучше бы я приготовил обед.

- Ага, лучше, - насупился Шурупов. – Сначала попробуй, а потом говори.

- Твоего Кольку бабушка точно бы отдубасила. А тебя она тоже бьет?

- Ты что! Она меня пальцем не трогает, всегда ставит меня в пример.

- Слушай, примерный мальчик, давай что-нибудь замутим, - вспомнил о своем желании Ромка.
- Даже... не знаю, - почти сдался Валерий. – Надо подумать.
- Думай быстрее, у нас три дня осталось.
- Пойдем по улице прошвырнемся, вдруг заметим что-то интересное.
- Интересное? – протянул Ромка Дианкин и стал похож на кота, перед которым бухнули в миску долгожданного «Вискаса».
- Подозрительное, - скорректировал свое предварительное высказывание Шурупов...

Вывернув со двора, мальчишки утонули в людском потоке.

- Можно подумать, что сегодня выходной, - пробурчал Роман, с вызовом замирая в середине людского потока. Никто из прохожих не начал ворчать и толкаться, они спокойно огибали непредвиденное препятствие в виде альбиноса - Ромка был белокурым, белолицым, со светлыми бровями, только одежда на нем была оранжево-голубой: футболка оранжевая, а шорты голубые.

Валерий вернулся и потянул приятеля за руку.

- Вот ты борзый, - то ли с осуждением, то ли с восхищением высказался он. – Хочешь леща получить?
- Пусть попробуют, - с вызовом сказал Ромка, но упираться не стал, двинулся за другом.
- Как любит говорить мой папахен: ты, Зин, на грубость нарываешься, всё, Зин, обидеть норовишь.
- Это не твой папахен говорит, это Высоцкий поет, - вставил всезнающий Дианкин.

Шурупов взглянул на него с уважением, одновременно захотелось чем-то поразить взамен. Он дотянул Ромку до старого тополя, тоже с вызовом

стоящим на широком тротуаре, которого аккуратно обошли при работе с тротуарной плиткой. Под его сенью мальчики нашли укрытие. В отличие от наглеца альбиноса, старое дерево, стояло ближе к проезжей части, до которой было не более метра. Никто из прохожих не втискивался в этот метр, поэтому за спиной наблюдателей никто не ходил. Не было смысла вертеться, можно спокойно стоять и следить за прохожими, кое-кто из которых обязан вести себя подозрительно. Так заявил Шурупов в ответ на вопрос приятеля, долго ли им здесь тусоваться.

- И что дальше? – не остановился на одном вопросе Дианкин. – Мы к нему, к этому подозрительному, подойдем и в лоб спросим: «Что вы замышляете? Убийство или какие другие нехорошие дела?»

- Рома, закрой дупло и наблюдай, - процедил сквозь зубы Валерка, словно боялся, что подозрительный человек уже рядом и может их услышать.

- Уже и сказать ничего нельзя! – насупился Дианкин. – Сейчас обижусь на твое «закрой дупло» и уйду. И больше не буду с тобой разговаривать. До самого отъезда. Почти два дня. Сегодняшний, не в счет. И потом, осенью, не буду с тобой разговаривать. И сидеть с тобой за одной партой не буду, пересяду к... к Генке Окуню, - на ходу придумал он. – Тоже нахватаюсь от него разных блатных выражений и начну ими разбрасываться.

Угрозы не возымели действие на приятеля, некогда носившего прозвище Гвоздь. После недолгих братаний с похитителем чужих кошельков, он почти с ним не общался, потому как похититель обходил его стороной. Но в последнее время Генка Окунь пытался задружить с юным сыщиком. Ромка уверял, что Генке от Валеры что-то нужно, у Валеры было иное мнение: Генка решил оторваться от своей плохой компании, состоящей из пацанов шестого класса «Б», и примкнуть к умным людям. Умные люди это они с Ромкой.

- А мне кажется, что Окуню уже не нравится Маша Воропаева, а нравится Вика Кривцова, - многозначительно изрек тогда Дианкин.

- И что с того? Пусть нравится, я-то тут причем? – на самом деле не сообразил Шурупов, бывший некогда Гвоздем.

- Ладно, проехали. Пусть Окунь общается с умными людьми, лишь бы умным при этом не поглупеть, - философски рассудил Роман и пояснил,- начнешь говорить так же, как он – будто бы все понятно, но ничего не понятно.

Так и вышло. Общение с Геннадием наложило отпечаток на Валерия – в его лексиконе появилось несколько новых слов и выражений, которые он пока использовал исключительно в общении с близким другом. Надо признать, обидных слов и выражений. Ромке казалось, что друг репетирует, отработывает на нем новые слова, чтобы... чтобы поразить кого-то. Вопрос кого? Ясно, что это девчонка. И эта девчонка, без сомнения, считает его несовременным, закомплексованным ботаником. Кто же она? Вика? Нет. Вика влюблена в Валерку по уши. Маша Воропаева? Тоже нет. Кажется, она тоже втюрилась в его лопухого дружбана. И готова мыть их парту и без взятки в виде шоколадки. Ромка исподтишка наблюдал за другом, но пристальное наблюдение так и не помогло выявить объект его интереса, ради которого тот решил кардинально измениться. Окончание учебного года Шурупов встретил с восторгом, ни с кем из одноклассниц трогательно не прощался, печальным взглядом не провожал. И Дианкин заключил, что друг собрался кого-то поразить в ссылке у бабушки, в городе Пятигорске. И тоска по другу напускная, напротив, Валерка счастлив, ждет-не дождется, когда уедет на целых три месяца. Для Ромки это ЦЕЛЫХ три месяца, для Валерки – всего три месяца...

Сейчас, стоя под старым тополем якобы для слежки за подозрительными личностями, Роман разобиделся окончательно. И как не обидеться, если на его угрозу Шурупов никак не отреагировал, будто бы и не услышал.

- Еще друг называется, - под нос бурчал он. – Я к нему со всей душой, а он...
- Ромка, что ты там говоришь? Я не слышу!
- Я говорю – ты извиниться не хочешь?
- За что? – слегка обалдел Шурупов.
- За дуфло! – выплюнул Дианкин.
- А, за это, - хмыкнул приятель. – Если тебе так хочется, то извини.
- Между прочим, я обиделся.

- Между прочим, я извинился. Всё?

- Всё! – рявкнул Ромка.

- Тише ты, - прошипел Валерка. – Смотри на этого хлыща, - он дернул головой в сторону обычного на вид мужичка, задумчиво вышагивающего по тротуару.

В одной руке он держал небольшой пакет с аптечными покупками, пальцы другой руки были засунуты в нагрудный карман шведки в полоску. Шведка перекосилась из-за пальцев в кармане, мужчина неудобства не чувствовал, продолжал семенить по тротуару совершенно с глупым видом. Как человек, позабывший, что хотел сделать. Этот человек пытался что-то достать из нагрудного кармана шведки, внезапно его мысли переключились на другую волну, нужное не успел достать, а пальцы будто бы забетонировались в кармане.

Визуальная оценка прохожего не принесла никакого результата.

- Ну, посмотрел, что дальше, - сдержанно прокомментировал Роман, желая одновременно выказать безразличие и скупую заинтересованность.

- Мне всё это не нравится, - буркнул Шурупов.

- Не обращай внимания, может он больной на всю голову.

Валерка никак не отреагировал на заявление приятеля, отлепился от ствола тополя и последовал за подозрительным мужчиной, который по-прежнему брел по тротуару, потупив взор, и по-прежнему засунув пальцы в нагрудный карман полосатой шведки. Роману пришлось двинуть за другом.

Они прошли один квартал, после чего мужчина свернул в переулок. И тотчас выдернул застрявшие в кармане пальцы.

- Сигнал подает кому-то, - неожиданно осенило Дианкина. Приятель хмуро взглянул на него. – Точно тебе говорю – подает сигнал. Сейчас что-то будет, - замогильным голосом произнес Ромка и с опаской стал озираться по сторонам. Переулок поразил его отсутствием прохожих. Кроме них и подозрительного типа здесь никого не было.

Мужчина походил на любознательного экскурсанта: постоянно вертел головой и цеплялся взглядом за каждый дом умеренной потертости. Некоторые дома были усиленной потертости, руки местных властей пока не дошли до строений, чей возраст перевалил за сотню. Здания, стоящие на главной улице, резко отличались от своих сверстников из переулков. Любоваться здесь было нечем. К тому же ароматы из подвалов были не айс, о чем доложил Роман Дианкин своему приятелю, возмнившему себя великим сыщиком. Ромкино развитое воображение сработало быстро: он представил себя «отбросом общества», как говорила мать о соседке, давно подружившимся с бутылкой. Отбросы общества обязаны жить в таких полуразрушенных домах, откуда выселили жильцов – подготовили дом к началу реставрационных работ, питаться, чем Бог послал, одеваться в обноски. Ромка сразу представил себя и Валерку в грязном тряпье, а на ногах почему-то сильно поношенные зимние ботинки на три размера больше. Естественно, без шнурков, поэтому при ходьбе нога легко выскользывает. Приходилось идти, как на лыжах. Но ботинки это не лыжи, тем более, на дворе почти лето, в связи с чем приходилось шаркать по асфальту.

Дианкин так погрузился в собственные представления отбросов общества, в коих они с Валеркой превратились волею слежки за подозрительным субъектом, что перестал нормально передвигаться, а превратился в лыжника. Кеды плохо скользили по тротуару и издавали шаркающий звук. Звук привлек внимание мужчины в полосатой шведке. Он оглянулся и с недовольством посмотрел на мальчишек. Валерка быстро сменил позу сыскной собаки, идущей по следу, на позу отпетого бездельника – засунул руки в карманы шорт, поднял глаза к небу и стал дерзко насвистывать. Погруженный в воображения Роман не сразу опомнился и продолжил изображать из себя упертого лыжника. Причем так самозабвенно, что быстро преодолел бездельника-приятеля не успевшего ухватить его за футболку, и врезался в «экскурсанта». Неожиданная преграда не заставила остановиться. Роман всегда отличался упорством, не оплошал и на сей раз. Отступил на пару шагов и вновь пошел в лобовую атаку по прежней прямой и с прежним препятствием. Препятствие сменило гнев на интерес, выпятило грудь, сцепив за спиной пальцы. Аптечный пакет в этих самых пальцах нервно покачивался. Переставший быть бездельником Шурупов не знал,

что ему предпринять. Сначала хотел сделать вид, что с бесцветным пацаном в оранжевой футболке и голубых шортах незнаком и с независимым видом прошествовать мимо. Но побоялся оставить друга один на один с подозрительным мужиком. Вдвоем они еще как-то могут с ним справиться. Пока он размышлял, Ромка приступил к попытке номер три, такой же безрезультатной. Удивительно, но мужик молчал. Видимо, потерял дар речи от такого бестактного упорства. И со спортивным интересом ждал развития событий. Наконец, лыжник очнулся, соловело изучил полосатую ткань шведки, проследил за полосами, уходящими вверх, к воротнику, и совсем обалдел, когда узнал человека, вызвавшего подозрение у его друга. Отступил на шаг и вежливо поздоровался. Мужчина кивнул в ответ и спросил:

- Мальчик, с тобой все в порядке?

- С ним все хорошо, - вмешался Валерий. – Мы поспорили, что тяжелее – ведро воды, до краев наполненное водой, или такое же ведро, тоже до краев наполненное водой, но в нем плавает кусок дерева.

- И кто победил? – уважительно поинтересовался незнакомец, из чего Шурупов заключил, что ответа он не знает.

- А вы как думаете? – задал он встречный вопрос.

- Думаю, что ведро с деревяшкой тяжелее.

- Вот и мой друг так ответил.

- И проиграл! - почему-то обрадовался мужчина, позабыв о своем неправильном ответе. – А надо было сказать, что тяжелее ведро без деревяшки! - И громко загоготал. Эхо разнеслось по пустому переулку с домами, приготовленными к реставрации.

Ромка испуганно втянул в плечи, а Валерка удивленно смотрел на смеющегося человека, борясь с желанием показать ему палец. Они с другом часто так поступали с беспричинными хохотунами, чтобы доказать их примитив, появление смеха без причины. Причина, естественно, была, и смех был направлен на одного из них. Пускать в ход кулаки считали неправильным, можно убить словом или действием.

- И на что же вы поспорили? – отсмеявшись, спросил мужчина.
- Правильный ответ услышать не желаете? – вставил Ромка, уставший от немоты. Вставка прозвучала угрожающе.
- Я... не угадал? - скучился под его взглядом взрослый мужчина, пусть и невысокого росточка: десятилетний Дианкин, тоже не великан, доставал ему до уха.
- Нет! – зазвенел по переулку детский голос.
- Могу дать еще одну попытку, - предложил Шурупов.
- Хотите, - подобрался его друг. - Не знаю, как к вам обращаться.
- Это не важно, - отмахнулся мужчина, чем еще больше вызвал у мальчишек подозрение. – А я вас буду называть вундеркиндами. Идет?
- Прятели понимающе переглянулись - подкуп лестью должностного лица при исполнении своих обязанностей.
- Идет, - разрешил Валерий. – Так что вы думаете по поводу ведер с водой? Или сдаёте?
- Сдаюсь. Нет времени на рассуждения.
- Правильные ответ – ведра весят одинаково, - легко признался Шурупов. – Деревяшка, как вы ее назвали, вытеснила из ведра воду, равную ее весу.
- Откуда ты всё это знаешь, ведь мал еще, - обескураженно заметил мужчина, словно застал мальчишку в подворотне с сигаретой в зубах и бутылкой пива в руке.
- Люблю, знаете, читать на досуге «Занимательную физику» Перельмана, - деловито сообщил десятилетний пацан.
- Ты? – вскинул брови инкогнито с пакетом из аптеки.
- Нет, Пушкин, - усмехнулся Роман, с трудом проглотив неожиданное признание друга.
- А ты не дерзи, - без особого недовольства парировал он. – На что же вы спорили, вундеркинды? – не позабыл довести дело до конца.

- Мы спорили на... - начал Роман, осекся и с надеждой посмотрел на сообразительного товарища.

- Мы спорили на... В общем, хотели узнать, через сколько километров сотрется подошва на кедах, если идти, не отрывая ног от земли. Кто проиграл, тот и дырявит свою подошву.

- Разве резина может продырявиться? – не поверил мужчина.

- То-то и оно, что может, но для этого надо сильно тереть подошвы об асфальт и пройти много километров, - печально вздохнул Дианкин и вывернул свою ногу, показав запыленную подошву.

- Ну, ты, допустим, не переутомился, - хмыкнул незнакомец. – Тебе еще идти и идти.

- А вы попробуйте, а потом говорите! – обиделся мальчишка. – Я уже... три часа тру, тру, и неизвестно, сколько еще буду тереть, - доложил он и принял прежнюю позу – позу сбрендившего лыжника.

- Не придумывай – ты ходишь всего час, может чуть больше, - осадил друга Валерий, поглядывая на его обувь, которая способна сноситься только у профессионального спортсмена, у которого эта пара ходит в любимчиках - он предпочитает ее другой спортивной обуви, коей у него в избытке. Но разве подозрительный тип знает об этом, он даже не читал Перельмана. Только и может ржать, как конь, и замышлять пакости. Недаром шел по улице, засунув пальцы в нагрудный карман шведки.

- Да, ребята, с вами весело, но мне пора, - развел в сторону руки незнакомец, колыхнув пакетом из аптеки. Тем самым показал, что расставаться с вундеркиндами ему совершенно не хочется.

- Вы нормально себя чувствуете? – вырвалось у Шурупова.

- А, ты о лекарстве, - догадался он и пространно заметил, - сейчас редко встретишь абсолютно здорового человека, и я – не исключение. Пока, ребята.

- До свидания, - ответили мальчишки.

Мужчина перешел через дорогу с односторонним движением и двинулся в обратном направлении – туда, откуда пришел некоторое время назад.

- Говорю же – подозрительный тип, - провожая его взглядом, заключил Валерка.

- Очень подозрительный, - поддержал его Ромка.

- И что нам теперь делать? По твоей милости мы не можем за ним следить! Вот ты дятел, Рома!

- Сам ты дятел, - огрызнулся Дианкин. – Я... задумался.

- Задумался он. Раз ты виноват, тебе и искать выход.

- Пошли снова под тополь. Спрячемся и будем наблюдать за прохожими. Вдруг кто-то вызовет подозрение.

- Пока мы будем наблюдать, этот тип кого-нибудь отравит.

- От... отравит? – опешил Дианкин. – Валер, как это отравит?! Почему ты решил, что он кого-то отравит?!

- Не верещи ты, - цыкнул на него приятель, он же юный сыщик и читатель заумных учебников. – Сам не знаю, как у меня вырвалось.

- Ты прям... предсказатель, - без особого вдохновения изрек Роман. Подумал и поправился, - накликаватель беды, вот ты кто! Теперь нам надо идти спасать!

- Кого спасать?

- Того, которого собрался отравить этот... ферзь с пакетом лекарств.

- Для начала надо узнать, где он живет.

- Или к кому сейчас идет, - подкорректировал Дианкин. – Но надо действовать осторожно. Он знает нас в лицо. Во второй раз нам не выкрутиться.

- Не учи ученого! Газуем пока он далеко не ушел...

Подозрительный мужчина с пакетом в это время спускался в подземный переход. Мальчишки успели в последний момент заметить его лысину на макушке. Быстро добежали до перехода, спустились по ступенькам и осторожно выглянули из-за угла. Мужик важно вышагивал по подземному переходу. Неожиданно заинтересовался девушкой в миниюбке и в босоножках на высокой платформе. Так заинтересовался, что чуть не свернул голову, вызвав переполох у сыщиков. Те спрятались, выждали какое-то время и снова заглянули в переход. Мужика и след простыл. Приятели за несколько секунд преодолели достаточно длинный переход, поднялись по лестнице и начали вертеть головой в поисках незнакомца.

- Где же он? - нудил Ромка, от злости притопывая ногами.

- Вон он! – воскликнул Валерка.

- Где?

- Зашел в аптеку.

- Опять в аптеку, - закатил глаза Дианкин, выражая полнейшее возмущение поведением незнакомца, избравшим невиданным способ развлечения - путешествие по аптекам.

- Может, не все лекарства купил. Вспомнил, и зашел...

- И тут же вышел, - задумчиво протянул Роман, прячась за габаритной дамой, которая с трудом преодолела подъем по лестнице. – Пошли, - шепотом приказал он и потянул друга вслед за дамой с отдышкой, за которой они могли оставаться невидимыми.

- В его руках тот же пакет, будто бы в нем ничего не прибавилось, - скривив рот, высказал умную мысль Дианкин. Приятель с недовольством взглянул на него и опять сосредоточился на мужчине, настороженно выглядывая из-за крупногабаритной тетеньки. – Валерка, может, мы зря за ним следим? Вдруг он ищет аптеку, где продают нужное лекарство? Потому и в переулок забрел. Понял, что аптек там нет, и вернулся на главную улицу... Валер, ты меня слышишь?

- Я тебя слышу, - делая паузы между словами, ответил Шурупов. – Если ты не хочешь спасать человека, так и скажи. Иди на все четыре стороны, я тебя не держу.

- И пойду. По-о-одумаешь. Великий знаток-предсказатель нашелся. – Угроза повисла в воздухе, Ромка по-прежнему медленно тянулся рядом с другом, за теткой, которая с трудом передвигала слонопотамские ноги. Именно, так он их мысленно обозвал. И так же мысленно подгонял тетку, уговаривал прибавить шаг, а то таинственный незнакомец доберется до своей жертвы и успеет с ней расправиться до того, как подоспеет помощь. – Валерка, - шепотом вступил он в переговоры, отставив в сторону обиды, - с чего ты взял, что он хочет кого-то отравить? Лично у меня другое мнение.

- Да? – удивился Шурупов, будто у его друга никогда не было собственного мнения. – Я тебя слушаю.

- Мне кажется... Лично мне кажется, что этот тип избавляется от «хвоста». Или не избавляется, просто проверяет, не следит ли за ним кто-то. Поэтому и свернул в пустой переулок. И с нами вел беседу лишь с одной целью – чтобы дожидаться появления «хвоста». Если он существует. «Хвост» не появился, и теперь он идет в условленное место. Аптечный пакет в его руках – условный знак: все в порядке, место встречи изменить нельзя.

- Зачем он заходил в аптеку?

- Покрутился там для вида, через стекло проверил улицу.

- Ага, - без энтузиазма брякнул Валерий.

- И пальцы в его нагрудной кармане... Помнишь, он пальцы держал в кармане, когда мы его заметили?

- Помню, что дальше, ты уже говорил, что это условный знак, - монотонным голосом сказал Шурупов, не желая выдать недовольство: никак не хотелось отдавать пальму первенства.

- Разве говорил? Могу повторить – это условный знак! - задохнулся Ромка от своей гениальности, победы, скорострельной сообразительности, умению выдать весомый аргумент, а также способности заинтересовать чрезвычайно умного друга. Чего-то там еще, и все это о нем, о Романе Дианкине.

Валерка решил сбросить товарища с пьедестала, куда он забрался, нагло спихнув его.

- Рома ты камыш.

- Сам ты камыш, - привычно парировал Рома.

- Я не камыш, моя версия правильная, а твоя ошибочная, - с умным видом заявил Шурупов, слово в слово повторив излюбленную фразу своего отца.

- С чего вдруг?! Вот ответ - ты веришь, что у него в пакете яд? Прямо, зашел в аптеку и спросил: «Скажите, пожалуйста, у вас есть ядовитые вещества, способные одновременно убить человека?» Ему продали яд без рецепта, теперь он бродит по улицам, решая судьбоносный вопрос: убить или не убить?

- Где ты таких слов нахватался? – скривился Валерка. Почти так же, как его друг, когда он предложил ему «закрыть дупло». – Одновременно, судьбоносный.

- Я же вундеркинд, - легко признался Роман. – И общаюсь не с разным сбродом, а с умными людьми, себе подобными.

- Например?

- Например, с тобой, со своими родителями, с твоими родителями, - подкупил приятеля открытой лестью Дианкин.

Они переговаривались, не сбавляя тягучего темпа, заложенного толстой бабищей, попеременно выглядывая из-за нее. Подозрительный тип, не предполагавший, что его обвиняют в разного рода преступлениях, бодро шел по широкому тротуару, заглядываясь на молодых девушек, одетых весьма фривольно по причине наступившей жаркой погоды.

- Ладно, - кивнул Шурупов, - твою версию я возьму на заметку. Ты не предлагаешь вернуться к тополю, и то хорошо. Будем продолжать слежку за объектом. Проверим, кто прав.

В этот момент тетка резко остановилась, видимо, решила передохнуть, а мальчишки врезались в нее, как два катерка в четырехпалубный лайнер. «Лайнер» не сдвинулся с места, кажется, даже не почувствовал. Еще хорошо,

что подозрительный тип в это время изучал витрину очередной аптеки. За стеклом стояла фигура Айболита. Персонаж из сказки Корнея Чуковского держал под мышкой большой градусник, в другой руке крепко сжимал чемоданчик с красным крестом.

Мальчишки затесались в толпу на автобусной остановке.

- Думаешь, он снова зайдет в аптеку? – прошипел Дианкин.

- Сейчас посмотрим.

- А я думаю, он снова проверяет, есть ли за ним «хвост», - заикнулся на своей версии Роман. – Смотрит в витринное стекло и наблюдает за прохожими. Вдруг заметит кого-то подозрительного. Мы же его заметили. И он заметит. У него больше опыта в таких делах.

- В каких, таких? – уточнил Шурупов и едва справился с людской толпой, штурмовавшей маршрутку. Приятели перебрались под навес стеклянной будки на остановке общественно транспорта. В будке имелась скамейка, на которой расположились ожидающие пассажиры. Молодая девица, уткнувшаяся в мобильный телефон, пожилой мужчина, бездумно смотрящий вдаль, и старушка, выискивающая взглядом, к кому бы прицепиться. Нашла.

- Эй, фулюганы, что вам здесь надо? – проскрипела она, обращаясь к двум приятелям, которые спрятались за рекламным листом большого размера, приспособленным к стеклу.

«Фулюганы» не следили зорко за номерами автобусов или маршрутных такси, сменяющих друг друга на остановке, как и положено потенциальным пассажирам, а прилепились к оставшейся на стекле щели от рекламы, кого-то высматривали и перешептывались. Поэтому не сразу сообразили, что обращение адресовано им. Тем более, «фулюганами» себя не считали. Бабка решила привлечь к себе внимание нетривиальным способом – больно дернула Шурупова за ухо. От неожиданности и от боли он взвыл.

- Вы чего? – заныл он, прикрывая ладошкой свой выдающийся во всех отношениях слуховой аппарат.

- Идите отсюда! – прикрикнула на них противная старушенция.

- А вы нам не указывайте, - осадил ее Роман. – Это остановка общественного транспорта, не ваш частный участок, так что сидите и молчите.

- А ты мне не указывай, что делать, сопляк!

- За рукоприкладство и оскорбление можно загреметь на пятнадцать суток, - доложил невинно пострадавший.

- Испугал! – хмыкнула старуха.

- Испугал не испугал, а он, - Дианкин кивнул на друга, - сейчас позвонит... кому следует, и вас, гражданка, отвезут в полицию. Там вы объясните... кому следует, почему набросились на мальчика. Тот мужчина будет свидетелем. Будете? – обратился он к некогда медитирующему пожилому мужчине.

- Буду, - подыграл он ему. Наверное, сам пострадал в детстве от таких буйных старушек. У каждого пацана есть своя зловредная старушка, от которой он не раз получал нагоняи. – Вы зачем к мальчикам прицепились? Дома вас гнобят родственники, решили отыграться на слабых?

- А чего они... - сбавила агрессию бабка. – Вертятся здесь и вертятся.

- Мы вам помешали? Извините. Мы сейчас уйдем, - по-взрослому высказался Роман.

- Но прежде вы должны извиниться. Иначе...

- Я была не права.

- То-то же, - развеселился пожилой мужчина.

Валерка заметил через щель, что тип с пакетом пошел дальше и потянул за собой приятеля, который собирался провести воспитательную работу с приставучей бабуленицей. Благо, воспитательных слов в его лексиконе было предостаточно - мама постоянно объясняла сыну, то такое хорошо и что такое плохо. Всегда начинала со слов: «Заруби себе на носу...» Ромке очень захотелось зарубить на крючковатом носу старухи, что обижать вундеркиндов не рекомендуется! Не пришлось...

Подозрительная личность слегка отдалилась от аптеки, в витрине которой красовался Айболит, затем резко развернулась и пошла назад. Недолго думая, личность заскочила внутрь аптеки.

- Вот бы узнать, какое лекарство он будет там покупать, - озадаченно протянул Роман Дианкин.

- Ой, смотри, Аркашка Борщ чапает! – возликовал Валерий, будто сбылась главная мечта всей жизни – встретить одноклассника, с которым не виделся почти неделю. – Сейчас мы зададим ему задачку.

- Тоже мне кандидатура, - возразил приятель. – Аркашка тупее столового ножа.

- На безрыбье, как говорится, и рак рыба... Аркадий! – окликнул Шурупов одноклассника и сделал умильную мину.

- Привет, два брата-акробата, - безучастно произнес Борщ, похрустывая вафельным конусом. Заглотил остатки мороженого и спросил, - что делаете?

- Гуляем, - тут же ответил Ромка.

- У нас к тебе дело. Ты бы мог зайти в эту аптеку и послушать, какое лекарство покупает мужик в полосатой шведке, - попросил Валерий.

- А вдруг в аптеке таких мужиков в полосатых шведках несколько? – резонно поинтересовался Аркадий.

- У него брови, - вставил Роман. Приложил к своим бровям кисти рук с растопыренными пальцами. Решил, что так будет легче представить, какие у мужика кустистые брови.

- Еще приметы, - отдал короткий приказ Борщ.

- Еще есть лысина на макушке, - вспомнил Шурупов.

- Можно подумать, я смогу рассмотреть его лысину на макушке, - возмутился одноклассник. – У меня лестницы с собой нет.

- Аркаша, не нуди. Иди в аптеку, потом доложишь.

- Что мне с этого будет?

- Еще одно мороженое!

- Два!

- Хорошо, два, - не стал спорить Валерка.

Борщ скрылся в аптеке. Приятели хотели прильнуть к стеклянной двери и понаблюдать, но вовремя опомнились и отошли подальше.

- Нам надо поменять внешность, - сообразил Дианкин, высверливая взглядом отверстие в аптечной двери. – Тогда не нужно просить всяких Аркашек... Еще мороженое ему покупай. И так скоро в дверь не пройдет. Жир трест, - злобно заключил он.

- Любит человек поесть, чего ты к нему привязался. Пусть лопают на здоровье, нам то что.

Из двери показался обжора Борщ. Сначала настороженно огляделся в поисках одноклассников, потом заметил их и уверенно проследовал к ним, нацепив на лицо загадочное выражение.

- Ну, что? – первым спросил Роман, опередив приятеля.

- Что это за мужик и зачем вы за ним следите? – запоздало спросил Аркадий.

- Потом мы тебе всё расскажем, - отмахнулся Валерка. - Что он покупал?

- Сначала деньги на мороженое, - сказал предприимчивый малец.

Шурупов вытащил из кармана пятьдесят рублей и вручил однокласснику.

- Мало, - запротестовал он, на всякий случай пряча купюру в карман.

- Не наглей, а, - окрысился Ромка.

- Ладно. Ваш мужик покупал в аптеке лекарство, - упавшим голосом сообщил он, будто рассказывал о несчастном случае, произошедшем на его глазах.

- Какое лекарство? – хором взвыли друзья.

- Откуда мне знать. Вы не просили...

- Аркаша, дать бы тебе хорошего ледача, - сквозь зубы процедил Ромка.

- Да руки пачкать неохота, - добавил Валерка. – Дуй отсюда.

- Вы обещали...

- Сказал, дуй отсюда, пока деньги назад не забрал.

В это время из дверей аптеки показался законспирированный субъект. Он был сосредоточен на коробочке с лекарством, поэтому не заметил недавних спорщиков, которые поначалу засуетились, потом спрятались за рекламной тумбой цилиндрической формы. Борщ покрутил пальцем у виска и пошагал дальше. А мужчина спрятал новую покупку в старый пакет и поспешно двинулся по тротуару в прежнем направлении. Миновал здание цирка и свернул за угол. Устроился на скамейке, спиной к проезжей части, и стал с беспечным видом наблюдать за прохожими. Мальчишки привычно затаились за углом.

- Сейчас что-то будет, - вздохнул Валерий. – А мы так далеко от него.

- Надо перебежать на другую сторону, а потом... потом подобраться к нему сзади, - сообразил Роман. – Хочешь, я сделаю это один, а ты будешь наблюдать с этой точки.

- Ага, разогнался – нахмурился Шурупов. - Он будет в курсе дела, а я буду здесь стоять, как тополь на Плющихе, - раздраженно произнес он, повторив любимую фразу из «Джентльменов удачи». - Пошли вместе.

Они перешли дорогу по пешеходному переходу, уличив момент, когда мужчина повернул голову в другую сторону. Пробежали несколько метров по тротуару, после чего нарушили правила, и перескочили обратно. Благо, мужик не обратил внимания на сигналы автолюбителей, возмущившихся беспечностью пацанов. Правее скамейки находился минимаркет, приветливо распахнувший двери. Когда мужик стал шерудить в пакете, преследователи залетели в магазинчик и выбрали удобную позицию для наблюдений. Молодой охранник покосился на них, но ничего не сказал.

- Мы папу ждем, - на всякий случай доложил Валерий.

- Ты посмотри, что он делает, - задохнулся от возмущения Роман.

Подозрительный тип вытащил из картонной упаковки пластмассовую банку, исподтишка высыпал ее содержимое в рядом стоящую урну. Совершенно спокойно достал еще одну картонную упаковку, начал по одной доставать блестящие пластины с упакованными таблетками и поочередно выдавливать таблетки из упаковки в пластмассовую банку, в которой недавно находилось другое лекарство, переключавшееся в урну. Никто на мужчину внимания не обращал. И чему удивляться, Ромкина бабушка тоже любит доставать таблетки из коробки, а не выдавливать из пластины. Купит лекарство, если оно не в любимой упаковке, то не поленится, переложит всё в баночку, баночку с истрепанную коробку, на которой напишет новый срок годности. Чтобы знать и, не дай Бог, не выпить просроченное лекарство.

Действие мужчины заставило Валерия убедиться в своей правоте.

- Сейчас подменит лекарство, и человек, которому оно предназначено, выпьет не то, что ему доктор прописал, а совсем другое, опасное для его здоровья.

- Уважаю, - восхитился приятелем Дианкин, одновременно пожалев о своей версии, не нашедшей подтверждения. А так было бы здорово, взять с поличным шпиона.

Справившись с делом, мужик выбросил в ту же урну ненужную упаковку второго лекарства, упаковал пластмассовую коробочку в соответствующую упаковку, полюбовался своей работой, после чего аккуратно положил лекарство в пакет, словно оно была миной замедленного действия. Из пакета выудил чек, внимательно изучил, удовлетворенно кивнул и присоединил чек к упаковке. Из нагрудного кармана шведки вытащил крохотный листок бумаги и еще один чек, изучил и их, скомкал и выбросил в урну.

- Ромка, ты понял, у него в кармане хранилась бумажка с названием лекарства, которое по цвету и размеру напоминает то лекарство, которое больному прописал врач.

Роман с трудом переварил сказанное, не все понял, но согласно кивнул.

Тем временем мужчина поднялся со скамейки, и потопал прочь. Пацаны пулей вылетели из магазина. Первым делом приблизились к урне, нашли

выброшенную упаковку и продолжили слежку за преступником. Самым главным было - не упустить. Особенно теперь, когда они знают, что кому-то из его друзей, родственников или просто знакомых грозит опасность...

- Валер, а что мы будем делать, когда он доберется до своей жертвы? – спросил совершенно выбившийся из сил Дианкин. Он устал морально, не физически. Никак не мог понять, как можно с таким спокойствием, хладнокровно заменить одно лекарство другим, а затем накормить человека этим запрещенным препаратом. И что им предпринять для спасения человека? – Валер, ну, почему ты молчишь?

- Я не знаю, что мы будем делать. Дойдем до места, там сориентируемся.

А преступный элемент, во всеоружии готовый к злодеянию, вальяжно загрузился в автобус. Как и положено – через переднюю дверь, оплатив за проезд. Когда задняя дверь автобуса открылась, выпуская пассажиров, приятели проникли внутрь и забились в угол. Подозрительный тип устроился на сидении и стал пялиться в окно.

- Надо передать деньги за проезд, - вспомнил Валерий. – А то водитель как разорется, все пассажиры повернут головы в нашу сторону.

- И этот гад нас заметит, - поддержал Роман и передал деньги.

Они ехали достаточно долго. Количество пассажиров, покидающих автобус, превышало количество входящих. В итоге к концу пути в салоне автобуса сидел тип с пакетом из аптеки, двое мальчишек, задремавший мужчина неопрятной наружности, пожилая женщина с пластиковым ведром, стоящим у ее ног, и подросток, приблизительно подергивающий головой в такт музыки, которая лилась из мобильного в наушники.

- Конечная! - объявил водитель с явным злорадством, словно предложил прогуляться по сафари-парку, наводненному оголодавшими дикими зверями.

- Валер, куда это мы заехали? – спросил Дианкин. Из салона они выбрались последними, отпустив вперед незнакомца.

- Спроси чего-нибудь полегче. Да ты не бойся, где остановка мы знаем, на каком автобусе сюда приехали тоже знаем, так что не заблудимся, - успокоил приятеля Шурупов.

- Я боюсь? – возмутился приятель. – Пусть он боится, - кивнул он в сторону человека, за которым они ходили достаточно долго.

- Наверное, это какой-то новый микрорайон. Домов построили много, а деревьев почти нет.

- Прямо, как в пустыне, - печально вздохнул Роман. – Сейчас он повернется, и сразу нас увидит. Даже спрятаться негде.

Но мужчина поворачиваться не собирался, уверенно шел по тротуару, весело размахивая пакетом.

- Посмотрите на него, - бурчал себе под нос Дианкин, - веселье из него так и прет. Конечно, скоро его план сработает... А нам что делать? Он расправится с человеком, а мы будем наблюдать со стороны... Так получается?

- Замолчишь ты сегодня?! – не громко возмутился Шурупов. – И зудит и зудит целый день.

- И не зужу, - парировал приятель. – Я не пчела, чтобы зудеть. Или комар, - поправился он. – Неплохо бы превратиться в комара, полететь за этим гадом, вместе с ним проникнуться в квартиру, где его давно ждет нездоровый человек, и в самый ответственный момент, когда этот гад будет давать лекарство, усесться ему на нос и больно укусить...

- А потом превратиться обратно в мальчика Рому, и сказать: «Ваш дом окружен! Соппротивление бесполезно! Ваши действия зафиксированы на камере наблюдения. Так что вам не отпереться, гражданин нехороший!»... Вот так вот, - добавил от себя Валерий – будущий сыщик.

- Да, жаль, что нельзя превратиться в комара, - вздохнул Ромка.

Подозрительный тип в это время подошел к многоэтажке. Дианкин произвольно посчитал – двенадцать этажей. Тип миновал первые два подъезда и приблизился к третьему, возле которого стояла газель с надписью на борту «Доставка бытовой техники». Подъездная дверь с кодовым замком

была распахнута настежь, грузчики столкнулись с входящим мужчиной на пороге. Мужчина исчез в подъезде, грузчики сели в газель и отчалили.

Валерка на ходу зафиксировал в памяти название улицы и номер дома – Улица Солнечная, 12. На их счастье, никто не удосужился убрать камень, удерживающий входную дверь в распахнутом состоянии. Мальчишки потоптались на месте, повертели головами, попереглядывались, после чего с превеликой осторожностью беспрепятственно проникли в подъезд. Они очень надеялись, что удастся узнать, в какой квартире укрылся злоумышленник. То, что он злоумышленник, у них не было сомнения.

Злоумышленник уже никуда не торопился. Он лежал у лифта. Из его спины незастенчиво торчала рукоятка топора, по-научному – топорщице. Лезвие было погружено в спину, как нож в масло, некогда живой человек, хохотун и выдумщик, превратился в бездыханное тело.

Дианкин собрался заголосить, но Шурупов, зная его реакцию на неэстетические картинки ужасающего характера, успел прикрыть ему рот ладошкой и прошептать на ухо:

- Спокойно, Рома. Сейчас мы развернемся и уйдем отсюда.

Рома отчаянно закивал, выражая свое бурное согласие.

Мальчишки вышли из подъезда, как два примерных пионера, взявшись на руки и без тени эмоций на лице. Только пионеры едва сдерживались, чтобы не поставить рекорд по бегу на длинные дистанции. Но темп ходьбы постепенно ускорялся. Оказавшись за углом дома номер двенадцать по улице Солнечной, Валерка опомнился.

- Что же мы вот так возьмем и уйдем?

- А что ты предлагаешь? - проблеял приятель.

- Надо позвонить папе, - произнес Валерик, голос при этом был совсем не вундеркиндовским, не всезнающим и уверенным, а испуганным и плачущим. И папахан и родак тотчас стал папой. Тем человеком, который всегда придет на помощь, успокоит, вытрет слезы и заверит, что все образуется, все будет хорошо. Если папа это скажет, то все так и случится.

Только не для незадачливого преступника, не успевшего наделать бед.

Пока Валерка ждал соединения, успел отдышаться. И, услышав голос отца, спокойно сказал:

- Пап, тут старого дядьку топором убили.

- Валера, мне не до шуток.

- А я и не шучу. Записывай – улица Солнечная, дом двенадцать, третий подъезд. Это новый микрорайон.

- Как тебя занесло в микрорайон Воронцово?

- Я не один, я с Ромой, - поспешно сообщил сын, словно присутствие Ромы что-то меняло. – Я потом тебе все объясню.

- Ладно, ждите. Скоро будем...

- Ромка, а пакет с лекарством рядом с ним был? – задумчиво протянул Валерка, пристраиваясь на скамейке, расположенной у края детской площадки во дворе злополучного дома.

- Кажется, не было, - неуверенно пробормотал друг.

- Вот и мне показалось, что не было.

- И что бы это значило?

- А то и значило, что этот... убитый мужчина был орудием в руках преступника, - повторил чужие слова Шурупов. Чьи это были слова, было ясно без дополнительных вопросов.

В таких случаях приятель всегда язвительно вставлял – ума палата! Но в настоящий момент у него была иная проблема.

- Почему ты сказал, что он старый?

- Кто старый? – не сразу сообразил Валера.

- Ну, этот убитый.

- Какая разница, старый, не старый, - отмахнулся он. – О чем ты думаешь!

- О чем? О том, что меня завтра же отправят к бабушке. Не будут ждать еще два дня.

- Не имеют права. Теперь мы с тобой свидетели, и поэтому не можем покинуть город до тех пор, пока преступник не будет задержан.

- Правда, что ли? - окончательно успокоился Дианкин, даже повеселел, почувствовав свою значимость. – Да, теперь мы запоем этот день на всю оставшуюся жизнь...

Майор Шурупов прибыл в сопровождении следственной группы очень быстро. Из третьего подъезда за это время никто не выходил, в подъезд никто не входил. Но если бы и были желающие туда проникнуть, то юные помощники полиции им бы не позволили – следы, все-таки!

Шурупов махнул мальчишкам издали, и зашел в подъезд. Возле подъезда стражем встал молоденький полицейский. Пацаны и не порывались проникнуть внутрь, чтобы еще раз «полюбоваться» незабываемым зрелищем.

Старший Шурупов вышел и приказал:

- Докладывайте!

И они доложили, перебивая друг друга. В дополнении к рассказу Валерка протянул отцу коробочку, в которой хранилось лекарство, и которую они выудили из урны. До этого картонная коробочка хранилась у него в кармане в приплюснутом виде. Майор вслух прочел название – «Коронал Зентива», вызвал из подъезда судебного медика и показал находку сыщиков.

- Леша, что это за лекарство?

- Это? Это лекарство от гипертонии. Достаточно одной таблЭтки натошак, чтобы стабилизировать давление, - игривым тоном произнес медик.

- Наш убиенный до того, как скончаться от руки злодея, заменил таблетки. Вместо одних положил этот самый «Коронал зентива», - сообщил ему майор Шурупов.

- А какого цвета таблетки «Коронал»? – задал вопрос младший Шурупов, решив проверить медика Лешу, не внушающему ему доверия. Сам-то он видел, какого цвета были таблетки, убитый мужчина наглым образом выдавливал таблетки из упаковки и бросал в пластиковую коробочку. У Валерки зрение, дай Бог каждому.
- Розовые, насколько мне память не изменяет, - ответил Леша. – Моя бабушка принимает это лекарство. Очень эффективное средство.
- А противопоказания?
- Людям с гипотонией категорически запрещается принимать.
- Это каким людям? – заинтересовался Ромка Дианкин. Приятеля тоже волновал этот вопрос, но он посмотрел на друга с осуждением – как можно не знать таких простых вещей!
- Людям с пониженным давлением. Без сомнения, у этого препарата есть еще целый перечень противопоказаний...
- Достаточно и того, что вы сказали, - деловито перебил его Валерий.
- Можно я займусь своими непосредственными обязанностями? – с иронией в голосе спросил у него Алексей.
- Рома, у тебя еще есть вопросы к специалисту?
- Нет, - отрицательно покачал головой Рома.
- Тогда можете идти.
- А не заигрались ли вы, мальчики, в детективов? – рассудительно заметил старший Шурупов, когда медик ушел.
- Но мы же тебе помогаем! – возмутился сын.
- Да, помогаем, - теперь согласно кивнул головой его закадычный друг.
- И теперь вам надо обойти все квартиры и узнать, кто из жильцов мучается от...
- Ги-по-то-нии, - услужливо подсказал Дианкин, когда Валерка замешкался.

- А когда вычислите этого... больного, то найдете преступника.
- Конечно! – поддержал Ромка, - он узнал о плане убийства и опередил преступника. Вот и все! – Обрадованно сообщил он и развел в сторону руки.
- Торопыжка был голодный, проглотил утюг холодный, - пробасил майор. – Сидите на площадке и никуда не отлучайтесь. Когда мы здесь закончим, я отвезу вас домой.
- Мои родители будут волноваться, - взволнованно сообщил Роман.
- Чтобы они не волновались, не нужно искать приключения, - парировал Шурупов-старший. – Ты позвони им, успокой, скажи, что вы оба у меня на работе. Покончу с делами и доставлю вас до места жительства в целости и сохранности...

Мальчишки устали сидеть на детской площадке, успели обменяться своими соображения по поводу убийства, и издали выслушали возмущения граждан, которые хотели попасть к себе домой после трудового дня, но блюститель порядка никого не пускал.

- До завершения всех следственных мероприятий на месте преступления не имею права, - как заговоренный повторял он.
- Что случилось? Неужели кого-то убили?! Ужас какой! – верещали наперебой жители подъезда номер три дома двенадцать по улице Солнечной.

Вопросы к полицейскому остались без ответа.

Поквартирный обход не принес никаких результатов. Заселены были не все квартиры, и те жильцы, которых застали дома, не опознали человека по фотографии, которую сделал криминалист на месте преступления. При пострадавшем не было никаких документов. Что удивительно, при нем не было мобильного телефона – незаменимой вещи в теперешнее время. Только небольшая сумма денег и одинокий ключ от неизвестной двери. Всего один ключ, не связка.

Когда труп увезли, возбужденных жильцов опросили и разрешили разойтись по домам. Если ранее они возмущались запретом, то теперь никто не торопился расходиться – не каждый день в их подъезде убивают людей. Одна особо впечатлительная дамочка обреченно заявила:

- Вот не хотела я покупать здесь квартиру! Как чувствовала! Вдруг это маньяк? Поведится в наш дом, и будет убивать всех подряд.

- Кстати, как убили этого мужчину? Кто-нибудь в курсе? – спросила другая женщина, моложе предыдущей, и менее эмоциональная.

- Топором рубанули по спине, - сообщил невоздержанный Роман Дианкин. Они недавно покинули детскую площадку и успели затесаться среди жильцов подъезда, чтобы узнать любую информацию.

- Топором?! – закатила глаза впечатлительная особа.

- Прямо, как у Достоевского, - вставил здоровенный мужичина, не производивший впечатления любителя романов Федора Михайловича. Чтобы доказать свое знание произведения, добавил, - только там старуху-процентщицу Раскольников по голове стукнул. А здесь, значит, по спине.

- Сзади подобрался и тюкнул, - проговорила девица, которую заинтересовал способ убийства.

- Ясен пень, - дернул головой знаток классики. – Вопрос в другом – кто и за что?

- Очень важный вопрос вы подняли, товарищ! – воскликнул бодрый старичок, некогда имевший отношение к руководящим органам компартии нижнего звена. И продолжил свою мысль, - если преступник напал на потерпевшего без причины, то дело пахнет дурно.

- А если причина была, то она пахнет обалденно? – ухмыльнулся здоровяк. – О чем вы говорите!

- Я говорю о том, что беспричинное нападение дает повод для беспокойства.

- Здесь орудует маньяк, - едва не свалилась без чувств впечатлительная особа, но стоящий рядом с ней парень с сумкой наперевес успел ее поддержать.

- Именно, об этом я и говорю, - проникновенным голосом оповестил присутствующих партиец. – Надо создать отряд по защите граждан нашего дома! Можно несколько отрядов. И координационный центр, который...
- Естественно, вы возглавите этот координационный центр, - перебил его здоровяк, с интересом поглядывая на девицу, которая игриво поправляла волосы и одаривала мускулистую фигуру обнадеживающим взглядом. Пренебрегая ответом пенсионера, он тихим голосом обратился к ней, - девушка, а вы в какой квартире живете?
- В сто двадцать шестой.
- А я в сто двадцать седьмой! – возрадовался он. – Странно, что мы ни разу с вами не пересеклись.
- Я недавно переехала.
- И я недавно.
- Товарищи! – закричал партиец. – Сейчас не время заниматься личной жизнью! Произошла трагедия!
- Иди ты, - отмахнулся от него здоровяк, он же любитель классической литературы.
- Для личной жизнь всегда есть время, - вставила девица из сто двадцать шестой квартиры.
- Даже во время войны люди влюблялись, женились, - вспомнила чувствительная дамочка, расставшаяся с надеждой найти спутника жизни. Новый микрорайон окончательно поставил крест на ее личной жизни. И если бы не трагический случай, она, возможно, не узнала, что в ее подъезде живет такой приятный молодой человек, джентльмен, поддерживавший ее в трудную минуту. Пусть он... слегка моложе, что с того. – Молодой человек, вы бы не могли мне помочь? – обратилась она к нему.
- Всегда готов! Что от меня требуется?
- Проводите меня до квартиры, а то мне страшно.

Парень подхватил даму под локоток и повел к подъезду с таким важно-сосредоточенным видом, словно вел ее под венец.

Постепенно жильцы начали расходиться. Одни пребывали в размышлениях, кто бы мог такое сотворить, другие тотчас забыли обо всем, третьи нашли друг друга, чему были только рады, четвертые загорелись желанием быстро избавиться от недвижимости в неблагополучном районе, пока убийства не превратились в серию.

Следственная группа закончила свою работу...

Около полуночи вернулся домой майор Шурупов.

Валерка только делал вид, что крепко спит, а сам ждал возвращения отца. Услышал перешептывания родителей и вышел из своей комнаты.

- Здрасти, приехали, - удивился его появлению отец.

- Валерик, почему ты до сих пор не спишь? – сердито спросила мать.

- Я хочу узнать последние новости. Все-таки я нашел тело.

- Я не знаю, что с тобой сделаю! – в сердцах воскликнула родительница, в сотый раз за сегодняшний вечер. И как было не возмущаться поведением десятилетнего сына, без разрешения путешествующего по городу. Нелегкая занесла его на окраину, где он мог стать не только человеком, нашедшим тело сразу после убийства, но и следующей жертвой.

- Ребенок, ты точно никого не видел выходящим из подъезда после убийства?

- Никто не выходил!.. Но разве только...

- Продолжай.

- Мы с Ромкой вылетели оттуда, как ошпаренные, забежали за угол... Пока совещались, кто-то мог и выйти. Когда я тебе позвонил, и мы вернулись во двор, там никого не было. Ни одного взрослого, и даже ни одного ребенка на площадке, будто в этом доме живут одни бездетные.

- В Воронцово, вообще, мало жителей, - вступила мама, позабыв об угрозах в адрес сына. – Одни дома в процессе сдачи, другие заселены наполовину или того меньше. Чему удивляться – инфраструктуры никакой, транспорт ходит раз в два часа. На такси не наездишься. Выход один – личный автомобиль.

- Мы недолго ждали автобуса. Повезло, наверное. Или пострадавший знал расписание.

- Зачем вы следили за мужчиной? – с вызовом спросила мать.

- Я же тебе уже объяснял – он показался нам подозрительным. А когда начал менять одно лекарство на другое, мы убедились, что были правы.

- Кстати, о лекарстве, - вспомнил уставший отец. - Мы нашли его пакет, о котором ты говорил.

- Где нашли?

- В мусоропроводе. Это случилось уже после того, как мы уехали. Проверили лекарство, которое хранилось в пластиковой коробочке. Это обычный панкреатин.

- Таблетки тоже розовые?

- Также розовые, - кивнул отец. – Только применение у этих двух лекарств абсолютно противоположное. «Коронал» – для понижения артериального давления, его принимают при стенокардии, при ишемической болезни сердца, а панкреатин принимает наша мама, когда переест.

- Вообще-то, панкреатин незаменим для людей с проблемами поджелудочной железы, печени, - обиделась супруга майора, она же мать юного сыщика. Я принимаю его для улучшения пищеварения. Заметь, я никогда не переедаю, не то, что некоторые полуночники, которые целый день жуют всухомятку, а наедаются ночью, после чего плохо спят. И набирают вес, - подумав, добавила она.

- Леночка, но ты же будешь меня любить и толстого? - протянул муж.

- А у нас в классе есть один жир трест – Аркаша Борщ, так его никто не любит, - деловито сообщил Валерий.

- Придется ограничить себя в еде, а то мои коллеги тоже меня невзлюбят.
- И тоже будут дразнить жир трестом, - добавила мать.
- Но сегодня я не откажу себе в удовольствии с аппетитом поужинать.
- Поночевничать, - поправил сын и потянулся вслед за родителями на кухню, чтобы пополнить свои знания о расследовании...

Отец уминал жареную картошку с котлетой, размером с хорошую ладонь – хозяйка никогда не мелочилась, и обстоятельно обо всем рассказывал, опережая наводящие вопросы сына.

- По отпечаткам пальцев мы установили личность убитого. Это некий Пардонцев Илья Леонардович.

Валерка хотел хихикнуть – уж больно смешная фамилия у мужика, но воздержался. Боялся напомнить о своем присутствии глубоким вздохом, не то, что обронить неосторожное слов. Иначе выставят из кухни и начнут перешептываться, и ломай голову, о чем они говорят. Впервые отец обсуждал работу следствия в его присутствии.

- Как вам удалось это узнать? – поинтересовалась мама, наливая всем по чашке чая.

- По отпечаткам пальцев. Этот Пардонцев имел судимость по малолетке за кражу со взломом в составе организованной группы. Получил минимальный срок, отсидел от звонка до звонка. Больше не привлекался.

- Пап, а сколько ему лет... было? – не удержался от вопроса сын, вспомнив их спор с Ромкой.

- Тридцать восемь.

- Ого!

- Не ого, а всего лишь тридцать восемь, - осадила мать. – Не заметишь, как самому стукнет столько же.

- Когда это еще будет, - хмыкнул Валерка.

- Мы с папой тоже старые?

- Нет, вы молодые.
- Пардонцев почти наш одногодок, всего-то год разницы.
- Но он был лысый, - придушенно сообщил мальчик. – А у моего папы нет лысины.
- Лысина – не показатель старости.
- Вы закончили свой спор? Я могу продолжать? – выхватывая из кастрюли еще одну гигантскую котлету, поинтересовался глава семейства. Мама проследила за его действиями и отодвинула кастрюлю подальше. – Так вот... О Пардонцеве... Разведен, детей нет. Прописан на улице Тимирязева шестнадцать. Это частное домовладение. Является владельцем тира для стрельбы, расположенного на набережной. Ключ, обнаруженный в его кармане, от замка на двери тира.
- К кому же шел Пардонцев? – озвучил вопрос, мучавший его весь вечер, Валерий. – Он не мог перепутать адрес. Если человек, к которому он шел, не признался, значит, испугался, значит, он виновен.
- Вину устанавливает суд, - напомнила судья. Сын не обратил внимания на ее замечание.
- И пакет с лекарством выбросил, подумал, вдруг нагрянут с обыском.
- Где ты таких слов нахватался? – обеспокоился майор.
- У нашего сына отличная память. И отличный слух. Особенно слух обостряется в тех случаях, когда информация для его ушей не предназначена.
- Ладно бы впитывал в себя все нужное, так нет, тянет, как пылесос, в себя все подряд. Ты слышала, какие он употребляет в речи фразеологические обороты?! У кого нахватался, признавайся!
- Валера, ты сквернословишь? Как можно!
- Мам, ты чего! Я не ск... сквернословлю, - с трудом выговорил сын, попавший под раздачу. – Это нормальный подростковый сленг.

- Пусть на этом сленге разговаривает кто угодно, только не наш сын. Мы всегда считали тебя...
- Вундеркиндом, - подсказал сын.
- Нимб поправь, а то с головы свалится, - безжалостно осадил отец. – Говорю же – пылесос. Информации нахватался, а что она означает, не всегда понимает. Чуть копни, и поймешь, что внутри пустота. Одни дважды два четыре.
- Обижаете, товарищ майор, - пробубнил вундеркинд.
- Вот ответь, зачем тебе нужны книги, в которых ты ни шиша не смыслишь?
- А сам-то, а сам! – подхватился Валерка. – Разве можно говорить «ни шиша»?
- Сейчас речь не обо мне.
- Но ты для меня пример.
- Не увиливай от ответа. Я в твоём возрасте не читал учебники для старшеклассников или студентов. Хочешь кого-то поразить своими знаниями?
- Наверное, какую-то девочку, да, сынок? - заискивающе произнесла мать.
- Я не в том возрасте, чтобы интересоваться девчонками.
- В каком возрасте, по твоему мнению, надо интересоваться девчонками? – пряча улыбку, спросил отец.
- Для начала надо получить образование, - высказался сын. Пораскинув мозгами, философски заметил, - но в жизни всякое случается, сегодня так, разве этак. – И закатил глаза к потолку.
- Нам только любовных переживаний не хватало, - рассудила мать, значительно опережая события. Не удовлетворилась первым пунктом плана жизни, выдвинутого сыном, и констатировала. – Валера, мы с отцом хотим знать правду!
- Какую правду?

- Зачем ты читаешь все подряд, зачем засасываешь в себя непонятную информацию, как пылесос?
- Хочу быть умнее всех в классе! И не пылесос я вовсе, мне не нравится, с чем вы меня сравниваете. Сначала папа, потом ты, - обиделся мальчуган и надул губы. – Сколько раз можно говорить! Пылесос, да пылесос!
- Хочешь быть умнее всех, учись на одни пятерки, занимайся учебой, пополняй знания дополнительной информацией, которая будет понятна ученику третьего класса.
- Уже почти четвертого, - уточнил сын, дав понять, что разница между третьим и четвертым огромна.
- Любой наводящий вопрос, заданный сведущим человеком, поставит тебя в тупик в два счета. Ты будешь выглядеть смешным, - продолжил отец, игнорируя уточнение.
- Приведу пример, - начал Валерий и поведал о сегодняшнем случае с ложным пари, заключенным якобы между ним и приятелем, на которое купился Пардонцев Илья Леонардович. Речь шла о ведрах, наполненных водой, в одном из них находилась деревяшка. – ...И человек, который позже стал трупом, назвал нас с Ромкой вундеркиндами.
- Потому что он так же смыслит в законах физики, как вы с Ромкой, - констатировала мать.
- Валера, завязывай ты с этой белибердой. Всею свое время, - резюмировал отец.
- Больше никогда не буду заниматься белибердой, если разрешите мне поехать вместе с Ромкой к его бабушке.
- Торговля здесь не уместна! – окончательно разозлилась мать. – Быстро в постель. И через два дня ты уедешь!
- А как же расследование?
- Через два дня! – поддержал жену муж.

Последнее, что услышал разобиженный отпрыск, это о ближайших планах следствия: необходимо выяснить круг знакомых Пардонцева...

Утром Валерий проснулся, когда родители уже завтракали. Берегли его покой: рано не разбудили, и беседовали тихо-тихо. Но сын все-таки услышал, что отец рассказывает матери.

- Работник тира ничего плохого о хозяине не говорил. В последнее время Пардонцев вел себя, как обычно, ничего странного за ним не замечал. Возможно, был более рассеян, чем обычно. Вчера зашел в тир, они обсудили дела насущные, и Илья Леонардович убежал. Так спешил, что сумку забыл. В сумке лежал мобильный телефон, портмоне, всякая мелочевка. И ключи от дома.

- Как же он без денег пошел? – удивилась мать.

- У него всегда в кармане были деньги, он часто забывал сумку, потом возвращался за ней или не возвращался, если отлучался ненадолго. На этот раз не вернулся, видимо, денег хватило. И рассчитывал скоро вернуться.

- А документы?

- Да, паспорт в сумке был.

- А водительские права?

- У Пардонцева не было автомобиля. Несколько лет назад он попал в серьезную аварию. Едва вычухался. С тех пор, как отрезало – за руль не садится. Утверждал, что боится.

- Ясно – психологическая травма. У него был один доход, с тира?

- Работник сказал, что он разводил кроликов. Куда-то сдавал их живыми, сам не убивал. Говорил, что нужда заставляет сдавать живность на мясо. Еще причина в плодовитости кроликов – размножались в геометрической прогрессии.

- Следовательно, не бедствовал.
- Со слов того же работника, с деньгами у него было туго.
- Вредная привычка?
- Пардонцев не курил, наркотическими веществами не баловался, выпивал, как все, не больше, не меньше, без особого повода не прикладывался к бутылке.
- Жил один и ему не хватало? Может, новый дом строил?
- Зачем ему новый дом, он один одинешенек.
- Кто их разберет, этих закомплексованных мужчин.

Валерка отчетливо представил, как мама передергивает плечами, будто сбрасывает чужую руку. Она всегда так делала, когда высказывала предположения, которые ей самой не нравились.

- Куда он тратил деньги, надо узнать. Это может быть причиной его смерти.
- Кто-то его шантажировал, - предположила Елена.
- Все возможно. Меня мучает другой вопрос – почему удар топора пришелся на спину? Пардонцев были мужчиной низкорослым. Преступник подкрался к нему сзади, размахнулся... - Валерка заглянул в кухню и увидел, как сидящий за столом отец держит в руках невидимое средство убийства над головой, после чего медленно опускает его на предполагаемую жертву-невидимку. – Он должен был попасть ему в голову! – В сердцах заключил отец.
- Убийцей мог быть инвалид. Безногий инвалид! – высказался Валерка, появляясь в кухне. – Доброе утро, дорогие родители! – запоздало поздоровался он.
- Доброе утро, ребенок, - хором поприветствовали родители, умильно улыбаясь, глядя на заспанное чадо.

Валерке показалось, что улыбки были извиняющимися – скорее всего, посоветались и согласились, что вчера переборщили с воспитанием. Да, Валерка обиделся. Долго не мог уснуть и раздумывал: что значит, всему свое

время? Он же не начал курить в свои годы, не садился за руль гоночного болида, не прыгал с парашютом, а всего-навсего читал учебники «для взрослых». Учебники, не журналы фривольного содержания с фривольными картинками.

Благодаря отличной памяти легко запоминал прочитанное. А то, что мало в этом смыслил, это не столь важно. Ровесники никогда не догадаются, что его знания поверхностные, а люди постарше бывают так поражены его поверхностными знаниями, что не находят слов, только восторгаются, дополнительных вопросов не задают. Почему? Да, потому, что сами не желают упасть в грязь лицом. Валерка не дурак, знает, перед кем держать хвост трубой. Перед учителями не будет, перед родителями сдерживается, но не всегда, увы. Люди с высоким интеллектом заставляют прикусить язык. Валерка не теряется, может выдать кое-что, но больше молчит, впитывает, как губка, все то, что они рассказывают. Слушать тоже надо уметь...

- Как вам моя версия? – спросил он у родителей, присаживаясь на стул.

- Или в ванну, умойся и почисти зубы, - приказала мать.

- Успеется. Так как?

- Маловероятно, - ответил отец. – Как бы инвалид подобрался к жертве? Инвалидные коляски беззвучно не перемещаются.

- А я видел в одном фильме о войне, как безногий инвалид перемещался на обрубках, упираясь кулаками в землю... Нет, не кулаками, - задумчиво протянул мальчик, пытаюсь вспомнить киногероя-инвалида. – У него было что-то прицеплено к рукам... Но это не важно.... Хотя... такое передвижение тоже издает громкий звук. Шуршание. Так?

- Странно все это, - вздохнув, проговорил майор Шурупов. – Не могу понять, как произошло преступление.

- Преступник стоял у лифта, тут подошел Пардонцев. Тоже стал ждать, когда лифт приедет, - представил картину Шурупов-младший. – Преступник подкрался сзади, вытащил из... сумки топор и... бум ему по спине!

- Лифт в доме еще не работает. И опережая твою следующую гениальную идею, скажу – на первом этаже никто не проживает! Эту информацию я получил в управляющей компании еще вчера. Их представитель был вызван на место преступления.

- Надо было проверить все квартиры на первом этаже, на всякий случай, - наливая себе вторую чашку кофе, сказала мать. Пока она отвернулась, сын запихнул в себя кусок сыра.

- Ты права, - согласился отец. – Преступник мог затаиться в одной из квартир. Замки на дверях – курам на смех. Мог легко вскрыть, спокойно отсидеться, а ночью беспрепятственно покинуть свое логово.

- Найдете отпечатки пальцев, проверите по базе, и дело сделано! – воскликнул Валерка.

- Если бы все было так легко, - усмехнулся отец.

- Володя, обратите особое внимание на те квартиры, окна которых смотрят на вход в подъезд. Преступник обязан был заранее увидеть свою жертву. Затаится за дверью и ждать...

- Лена, погоди, - перебил Шурупов жену. – Кажется, я догадался. Дело было так. Допустим, мы принимаем на веру, что преступник поджидал жертву в одной из квартир первого этажа. Надо признать, он очень злился. Входная дверь была распахнута, туда-сюда сновали грузчики. О том, что у подъезда стояла газель мне сказала Валерий. Грузчики могли помешать убийце. Но они столкнулись с Пардонцевым у подъезда. Убийца его заметил, и... Знаете, что он придумал? – И жена, и сын покачали головами. – Он вышел из квартиры и положил на видное место тысячерублевую купюру. Люди нагибаются и за деньгами меньшего достоинства, а тут тысяча! Илья Леонардович не удержался, нагнулся за денежкой, а убийца ударил его топором по спине. Потому удар пришелся на спину.

- Одни предположения! – фыркнула Лена. – Чего ты заикнулся на ударе по спине?! Удар мог быть случайностью – жертва нагнулась в момент удара, как ты предполагаешь, или преступник поступил так намеренно, желая запутать следствие.

- Под телом Пардонцева лежала тысячная купюра, - продолжил своим рассуждения Владимир Шурупов, назло некоторым особам, пусть и не дилетантам. - Я подумал, что она выпала из нагрудного кармана. Оказывается, это проделки преступника. Забирать тыщонку он не стал. Или не жмот, или испугался, что его могут застать на месте преступления. Входная дверь нараспашку, грузчики не удосужились убрать камень, который ее подпирал.

- Кто угодно мог зайти, - согласился Валерка.

- Представить страшно, что преступник мог сотворить с двумя мальчишками, которые появились в подъезде! – заохала мать, и прижала к себе сынишку. – Из дома ни ногой! Пусть Рома к тебе придет, если вы друг без друга не можете.

- Не можем! А вы хотите нас разлучить! – заканючил отпрыск.

- Старая песня на новый лад, - высказался отец и собрался уходить на службу.

- Пап, можно я с тобой? – подхватился Валерий.

- Придумай что-нибудь поумнее... Всем пока! До вечера...

- До вечера я не доживу, - печально протянул сын, обращаясь к входной двери, которую только что захлопнул майор Шурупов.

- Валерик, будь умницей, - пожелала напоследок мать. – Не забудь умыться и почистить зубы. Завтрак нас столе...

Пропустив умывание и чистку зубов, Валерка позавтракал и позвонил другу. Рассказал ему последние новости.

- Я к тебе сейчас приду! – порадовал его Ромка. – Меня не держат под домашним арестом.

- Тебя не держат, потому что ничего не знают о вчерашнем, - со злостью парировал Шурупов.

- Твой родак молодец, не сдал меня вчера.

- Конечно, молодец, - загордился Валерка...

Через пятнадцать минут Дианкин позвонил в квартиру Шуруповых. И с порога заявил.

- Я тут подумал и решил - тысячная купюра могла выпасть из кармана убитого. Помнишь, когда мы его первый раз увидели, он держал пальцы в кармане.

- Помню, ты еще придумал, что он кому-то знак подает.

- А на самом деле, он засовывал в карман сдачу. Не помнишь, неподалеку от того тополя, под которым мы прятались, не было аптеки?

- Сейчас аптеки на каждом шагу.

- Его выход из аптеки мы не видели, заметили только в тот момент, когда он проходил мимо нас. Уже с пакетом. В той аптеке он купил... как лекарство называется?

- Панкреатин, - сказал мальчик с хорошей памятью и ошарашено взглянул на еще одного памятливого человека, позабывшего элементарное название лекарства. С кем не бывает. Он вчера тоже забыл название болезни, той, при которой пониженное давление. О ней рассказывал судмедэксперт Алексей. Ромка почему-то запомнил, а он нет. Временная забывчивость у Валерки и у Ромки случилась из-за стресса - не каждый день видят трупы. Могли и сами трупами стать, если бы вошли в подъезд чуть раньше.

- Пардонцев купил панкреатин. И начал искать другое лекарство, заранее собрав информацию о розовых таблетках. Наверное, «Коронала» нигде не было. Он его искал, искал, наконец, нашел и поехал в микрорайон Воронцово, где живет его знакомый, которого он хотел убить.

- Ромка, а как он собирался выкручиваться? После смерти провели бы вскрытие, узнали причину – умер-то человек не по своей воле, кто-то постарался, и начали искать преступника.

- Ну, выпил перед смертью человек таблетки для понижения давления, что с того. Многие пьют «от давления». Бабушки, дедушки и не только.

- Во-первых, полиция проверила бы историю болезни, где черным по белому написано – гипотония!

- И болезнь... этой... как ее... Поджелудочной железы!
- Панкреатит! – подсказал «научное» название Валерка.
- Откуда в доме гипотоника появится запретное лекарство – «от давления», которое он мог перепутать с нужным лекарством от панкреатита?
- Из аптеки! – легко сообразил Шурупов. - С этим человеком живет гипертоник. В этом случае объяснение будет простым – бабушка перепутала!
- Валерка, ты сказала бабушка?
- Бабушка. Моя бабушка пьет таблетки «от давления», она гипертоник. Постоянно твердит: «Я гипертоник, мне волноваться нельзя, у меня давление скачет, а как не будешь волноваться, если постоянно нервы мотают». Это она не обо мне, о моем двоюродном братце Николае.
- Круг подозреваемых сужается, - загадочно произнес Дианкин. – Надо искать в подъезде старушку или старика. Молодежь не перепутает лекарство. На это был расчет Пардонцева. Надо ехать, Валера, в Воронцово, - обреченно проговорил он, будто предлагал выпить касторку, без которой никак не обойтись.
- Мне приказали сидеть дома! – Версия со стариками Шурупову не нравилась: не он ее предложил. И в этом случае убийство на опережение не находит подтверждение – едва ли старик мог ударить топором человека, значительно моложе его. И силы не те, и не реакция не та.
- Раз ты такой послушный, придется мне ехать одному.
- Ромка направился в прихожую, умыкнув со стола печенье.
- Я с тобой! Разве я могу бросить тебя одного.
- Давно бы так...

Если в автобусе Валера чувствовал себя спокойно и уверенно, то, оказавшись на свежем воздухе, заполнившем новый малонаселенный микрорайон, он запаниковал. Вспомнил слова отца о намерении заняться квартирами первого этажа в третьем подъезде дома двенадцать по улице

Солнечной, где произошло убийство, запоздало сообразил, что нарушил запрет родителей, и сейчас майор Шурупов уличит его во лжи. Хотя, никаких обещаний сын не давал, но и так было понятно, что он, как примерный мальчик, будет сидеть дома. Как ему и рекомендовалось. Примерный мальчик превратился в нарушителя... А всё Ромка – инициатор поездки в Воронцово.

Валерка со злостью покосился на друга, трусившего рядом. Друг был сосредоточен и деловит, целиком погрузившись в предстоящие им следственные мероприятия.

- Мы скажем, что собираем макулатуру, - высказался Дианкин, опустив начало своих соображений. Но Шурупову дополнительные пояснения были не нужны, он и без них знал, что приятель ищет причину для обхода квартир третьего подъезда.

- Какую еще макулатуру? – разозлился Валерий, будто ему предложили сделать стойку на голове перед всем классом, чего он делать не умел. Больше всего он боялся упасть лицом в грязь, из всех сил старался быть лучше всех во всем. Если чего-то не умел, то находил вескую причину для увиливания. Причина была уважительной преуважительной, чтобы никто не догадался, что Шурупов не способен выполнить поставленную перед ним задачу.

- Что? – опомнился погрузившийся в свои думы Дианкин.

- Какую еще макулатуру? – повторил Валера более сдержанно.

- Обыкновенную, - передернул плечами Ромка. – Помнишь, мои родители рассказывали, как ходили по квартирам и выпрашивали старые газеты, журналы. Макулатуру, - отчетливо проговорил он, что друг докумекал, о чем идет речь.

-Привет тебе, - хмыкнул Шурупов. – Кто же сейчас собирает макулатуру?!

- Мы! – резонно заметил приятель. – Никто не подумает, что такие... хорошие мальчики, - он оглядел товарища, поправил воротничок на его рубашке-поло приятного бирюзового цвета, застегнул пуговицу, - могут нагло врать.

Скажем, что мы отрабатываем практику в школе. Нам поручили собрать макулатуру. Сдавать ее мы никуда не будем, сейчас и пунктов приема нет...

- Тогда зачем собираем старые газеты? – перебил Валера. Сказать по правде, таскать на себе макулатуру, ему вовсе не хотелось. Еще больше раздражала Ромкина активность. Работал он на опережение: всегда затейником был он, Валерий Шурупов. Если Ромка что-то и предлагал, он так переиначивал, что создавалось впечатление, будто выдумщик именно Шурупов. Как в случае со вчерашней слезкой. Дианкин просто предложил сделать день запоминающим, без конкретики, и выжидающе взглянул на друга. Друг превзошел все его ожидания.

- Газеты нам затем, что... в школе будут делать ремонт, и... газеты всегда пригодятся. Например, полы застилать... Чего ты ко мне привязался! – взвился Роман. – Кому какое дело до макулатуры?! Был бы повод! Спросим о макулатуре, потом попросим воды...

- А потом? – заинтересовался Валерий, когда приятель забуксовал.

- А по-о-отом... потом ты скажешь, что тебе нехорошо, - голосом капризной принцессы из сказки «Король Дроздобород» произнес Дианкин. – Жара с утра давит, любой перегреется.

- Что ж я буду в каждой квартире в обморок падать!

- Не в каждой, и в обморок падать не надо. Думаю, сейчас почти все жильцы на работе. Те, кто на работе нас не интересуют – они и вчера были на работе, и ничего не выдели, не слышали.

- Ага, так нам и признались! Полицейским не признались, а нам признаются?

- Для начала мы расскажем, что первыми увидели труп и вызвали полицию. Поделимся... впечатлениями. Взамен и они разоткровенничаются.

- Мы вам, вы нам, так и скажем! – поерничал Шурупов. – А ну-ка, Марья Иванна, признавайтесь, это вы убили Пардонцева Илью Леонардовича?! Вы обязаны нам признаться, потому что мы выложили вам все, как на духу!.. Дурень ты, Рома!

- А ты... А ты... лопухий заяц! – рывкнул Дианкин и испуганно взглянул на Шурупова, который мог взбеситься, развернуться и уйти, оставив его один на один с преступником.

Валерка не взбесился, только ощупал свои выдающиеся уши, и задумчиво протянул:

- Лопухий это понятно, но почему заяц?

- Потому что дрожишь, как заяц в лесу, в котором полно волков. – Ромка сделал страшное лицо и клацнул зубами – показал волка, охотившегося за лопухим зайцем.

- С чего бы мне дрожать?

- Боишься встретиться с отцом.

- Да, боюсь! Ты бы не боялся?

- Постараемся проникнуть в подъезд по-тихому. Если не удастся, то повернемся и уйдем. Подставлять тебя я не собираюсь.

Валерка успокоился, тотчас забыл о «лопухом зайце», и поторопил приятеля, который во время диалога сменил быстрый темп ходьбы на прогулочно-шаркающий...

Шурупов ожидал увидеть возле подъезда машину отца и автомобиль следственной группы, но ничего такого не увидел. Возле следующего, четвертого подъезда стоял одинокий «Рено», и только-то. Двор был, как и вчера, пуст.

- Странно, - не удержался от замечания Валера.

- Я тоже ничего не понимаю. Может, их вызвали на другое место преступления? Или...

- Что, или? Говори, умник! Ты же у нас сегодня за главного!

- Валера, это развод! Тебя развели, как первоклассника!

Конечно, от первоклассников оба ученика третьего класса ушли «далеко». Но сравнение немного смягчило осознание того, что его развели

собственные родители, которые вознамерились при нем обсуждать вчерашнее преступление, делиться планом первоначальных следственных действий. А Валерка загордился оказанным доверием, посчитал – раз он стал важным свидетелем, то достоин быть участником следствия. Оказалось все проще простого – ему закрыли дорогу в микрорайон Воронцово. Родители отлично знают своего отпрыска, которому захочется вернуться и заняться собственным расследованием.

- Что же было правдой в рассказе папы? – задумался он.

- Что-то должно быть правдой, - рассудил Роман. – Думаю... Думаю... Пардонцев, действительно, был владельцем тира на набережной. Туда мы не сунемся – полиция вытянула из работника тира всё, что могла.... Валер, ты не расстраивайся уж так, даже лучше, что твоего папахена здесь нет, можем спокойно обходить квартиры и опрашивать жильцов. Ты же у нас умный, самый умный в классе, хоть и не отличник. Отличники не знают того, что знаешь ты.

- Рома, ты тоже умный, - обменялся любезностями Валерий. – А к чему ты заговорил о моем уме?

- Ты быстро сообразишь, кто говорит правду, а кто врет.

- Попробую. Попробуем вместе раскусить преступника.

- Вот это мне нравится!

- Моим родителям точно не понравится, чем мы занимаемся. Опять скажут, что с меня, как с гуся вода, что мне говорят, говорят, а у меня в одно ухо влетает, из другого вылетает. А мама закончит словами: «Когда же наши назидания станут не пустыми?!»

- Им бы Генку Окуня усыновить, нашли бы сто отличий! Ты не сын, а золото! Даже такой хороший умный мальчик имеет право на непослушание.

- Конечно, - быстро согласился Валерий. – Не глобально, а так, по мелочи.

- Другие бы родители только рады были, что у них такой любознательный ребенок, что выбрал себе профессию с пеленок и... проходит летом практику,

- восхитился Дианкин и улыбнулся во весь рот, вспомнив о сборе макулатуры. – Ну, что, почапали в подъезд?

Почапать они не успели. В двух метрах от них рухнуло с неба тело...

Увидев в непосредственной близости от себя изломанное неподвижное хрупкое тело, мальчишки замерли на месте. Роман пришел в себя быстрее друга и заметил тихим голосом:

- Невезуха – только мы сюда приходим, сразу труп.

Валерий непроизвольно поднял голову, чтобы понять, откуда выпал человек. Только на седьмом этаже было распахнуто настежь окно.

- Опять звонить папе?

- Можешь не звонить, давай смоемся, - услужливо предложил Роман. В голосе сквозило раздражение – мол, зачем спрашивать?! Надо поступать по совести!

- Я позвоню...

Валерий повторил слова, которые много раз слышал в кинофильмах:

- У нас опять труп.

Отец буркнул с недовольством:

- В нашей квартире?

- Мы с Ромой возле дома двенадцать, где вчера убили Пардонцева. Сейчас из окна седьмого этажа выпала пожилая женщина. Она погибла.

- Та-а-ак, - зловеще протянул майор Шурупов.

- Не надо мне говорить о холостых назиданиях! - неожиданно рассвирепел сын, не отдавая отчета своим словам. Они с Ромкой и первый случай пережили с трудом, а теперь и подавно пребывают в нервно-истерическом состоянии. Вундеркинды – те же дети, только умнее. Иногда стесняются своей вундеркиндости, пополняют словарный запас сленговыми словечками, вставляют их «не по делу», быстро забывают, сочетают

несочетаемое. И тайно сомневаются в том, что они вундеркинды. Особенно в бесконтрольные минуты. Как сейчас, когда зашкаливают разнополярные эмоции.

- Валерик, - слащавым голосом проговорил заботливый отец, сообразив, в каком состоянии пребывает сын. Валериком он его никогда не называл, только мама так называла. – Сейчас я приеду. Слышишь меня?..

Неожиданно Валерику захотелось расплакаться. Чтобы слезы не побежали из глаз, и Ромка не заметил его слюняйности, как у девчонок, он задрал голову. Якобы, чтобы вновь посмотреть на окно, из которого выпала пожилая женщина в домашнем платье и фартуке. На одной ее ноге был тапок без задника, чудом оставшийся на ноге при падении с седьмого этажа. Другая нога была босой, с потрескавшимися пятками. Лица мальчишки не видели, оно пряталось под седыми волосами.

- Валер, пойдем в подъезд. Постучим в чью-нибудь квартиру, и попросил покрывало. Надо ее накрыть... - сообразил Дианкин. Приятель был ему благодарен - не расквасился, как он, нашел вескую причину уйти со двора. Сидеть, как вчера, на детской площадке было невыносимо – погибшая женщина все равно приковывала бы к себе внимание.

На смену первоначальному испугу постепенно приходило осознание того, что Валерка что-то упустил. Что-то было не так. Он теленком шел за Романом Дианкиным, копаясь в ворохе своих мыслей. Родители были правы, утверждая, что его голова забита ненужной информацией. В этом ворохе затерялась одна мыслишка, которую необходимо откопать, чтобы сделать определенные выводы.

Валерка клятвенно пообещал себе больше «не пускать пыль в глаза», быть нормальным мальчиком. Пусть немножко развитее своих ровесников. В этом нет ничего предосудительного...

Их приютила у себя девушка из сто двадцать шестой квартиры, на которую вчера заглядывался здоровяк, знаток классической литературы. Она столкнулась с мальчишками на втором этаже, сразу всё поняла, отвела к себе домой, прихватила простыню – чтобы накрыть тело, и ушла.

Прятели хотели выглянуть в окно, но на их радость, окна квартиры выходили на другую сторону. Незачем повторно смотреть на тело женщины, распластанное на асфальте.

Молодая приветливая незнакомка жила на восьмом этаже двенадцатиэтажного дома. Когда они резво поднимались пешком к ней на восьмой этаж – лифт по-прежнему не работал, то замедлили шаг на седьмом этаже, где в одной из квартир произошла трагедия.

- Давайте не будем лезть не в свое дело, - сказала незнакомка, предваряя желание мальчишек постучать в дверь. – Пусть расследованием занимается полиция. Уверена - если бы в квартире был кто-то еще, кроме погибшей женщины, то он бы дал о себе знать.

- Мне слышались какие звуки, - нехотя минуя злополучную квартиру, очень тихо сказал Шурупов.

- У тебя галлюцинации, - не замедлил с ответом Роман. – Конечно, галлюцинация, на нервной почве.

Находясь, как и мальчишки, в смешанных чувствах, девушка все же не сдержалась от вопроса.

- Сколько вам лет?

- Десять, но скоро будет одиннадцать, - доложил Дианкин, опередив замешкавшегося друга.

- Надо же, всего десять, а говорите, как взрослые, - вроде бы не поверила девушка, шуруя в замочной скважине ключом.

- Мы и есть взрослые. Мы читаем умные книги, общаемся с умными людьми, не тратим время на ерунду.

- Мы читаем разные книги, и с разными людьми общаемся, - вставил Валера. – И лодырничать любим. Мой друг шутит. И еще любим разыгрывать людей.

- Оно и видно, - без обиды сказала незнакомка и пригласила их к себе в квартиру...

Девушка поджидала полицейских во дворе дома. На вопрос симпатичного майора «где двое мальчиков, которые стали свидетелями падения женщины», объяснила, где они находятся.

Но мальчики покинули гостеприимную квартиру вскоре после ухода хозяйки, спустились на один этаж и прильнули к двери квартиры номер сто двадцать один, из окна которой предположительно выпала пожилая женщина.

- Говорю же тебе, там кто-то плачет, - прошептал Валерий.

- Никто там мне плачет, это ветер по квартире гуляет.

- Если ты скажешь про галлюцинации, я тебе в ухо дам.

- Попробуй.

- И дам!

- И дай!

- Эй, петухи, нашли время и место! – на площадке седьмого этажа появился майор Шурупов в сопровождении коллег.

- Здравствуйте, дядя Володя, - вежливо поздоровался Роман Дианкин. – Вы не ругайте Валеру, это я во всем виноват. Я уговорил его приехать сюда. Он, как настоящий друг, не мог бросить меня одного. Я бы таких дров наломал.

- А то вы не наломали, - вздохнул Владимир Шурупов.

- Можно подумать, это мы выбросили женщину из окна, - обиделся его сын.

– И Пардонцева тоже убили мы!

- Успокойся. И почему вы здесь?! Девушка сказала, что вы находитесь в ее квартире.

- Пап, понимаешь, в чем дело. Мне показалось, что в этой квартире, - Валерка указал пальцем на дверь, возле которой они стояли, - кто-то плачет.

- Вот мы и спустились убедиться, - поддержал его приятель и автоматически надавил на ручку двери. Дверь открылась.

Теперь были отчетливо слышны всхлипы. Майор приказал мальчишкам ждать в подъезде, полицейские просочились в квартиру. Непослушные пацаны проследовали за ними.

Через настесь распахнутое окно в квартиру заглядывало солнце и шарило лучами по полу, словно выискивало что-то. Из соседней комнаты послышался скрипучий голос, взывавший о помощи. Видимо, человек услышал, что кто-то проник в квартиру.

На кровати лежала очень бледная девушка.

- Мама... Моя мама... Ёе нет, - прогнусавила она. Опухшее лицо свидетельствовало о том, что девушка долго плакала. - Она сказала, что... Она призналась... в страшном... Но я ей не поверила... Она вымаливала прощение, потом ушла. Я ее звала, а она не отзывалась... Я не могу ходить. Я калека...

- Вас зовут Анна Кеняйкина? – спросил майор Шурупов, озадачив юных сыщиков.

- Да... А откуда...

- Пять лет назад вы серьезно пострадали в аварии. Водитель, который вызвался вас подвести, не справился с управлением. Сам пострадал, но вернулся к нормальной жизни, вам повезло меньше – вы остались живы, но прикованы к кровати. Управлял автомобилем Илья Пардонцев. У вас был с ним роман?

- Нет, мы были с ним мало знакомы. Встретились на дне рождения мужа моей подруги. Илья предложил доставить меня до дома в целости и сохранности. Он сел за руль в состоянии алкогольного опьянения. Не скажу, что был пьян... Я пыталась его отговорить... Потом эта авария... Он уговорил меня забрать заявление из полиции. Я забрала. Он обещал оказывать материальную помощь. Ни разу не отказал. Даже помог переселиться в новую квартиру. Добавил недостающую сумму. Мы жили в старом доме с прогнившей коммуникацией и прохудившейся крышей. Илья постоянно нас навещал.

- Вы знали, что Пардонцева вчера убили в вашем подъезде?

- Мама мне рассказала только сегодня. Я слышала, как вчера кто-то звонил в дверь, мама сказала, что приходила соседка... Мне больно об этом говорить, но.. это моя мать его убила. Она... хотела... меня убить из гуманных соображений. Устала смотреть на мои мучения. У самой здоровье слабое, того и гляди, умрет, а что будет со мной... Вместе с Ильей разработали план моего убийства. Сами понимаете, что у меня букет разных болезней, в том числе и панкреатит, а постоянно принимаю лекарства для улучшения пищеварения. А давление девяносто на пятьдесят... Решили подсунуть мне таблетки для гипертоников. Артериальное давление упало бы до нуля, я бы скончалась. Безболезненно скончалась. Кто бы стал вскрывать калеку, у которой все органы повреждены... Я понимаю, мать со мной измучилась. Но зачем было убивать Пардонцева? Если хотела ему отомстить за мою убогость, то сразу бы расправилась, не по прошествии пяти лет.

- Устраняла свидетеля?

- Думаю, да. Хотя, причины мне не назвала. Сегодня с утра мать вела себя странно, пыталась мне дать панкреатин, потом выхватила таблетки в последний момент и убежала на кухню. Я слышала, как она плачет. Я пыталась до нее докричаться, но безуспешно. Потом она принесла мне завтрак... После завтрака я читала, затем уснула. Очень крепко, что удивительно – без снотворного не могу заснуть. Проснулась от того, что мама гладит меня по лбу. Я открыла глаза, она говорит: «Не могу уйти, не попрощавшись с тобой». - «Ты куда-то уходишь?» - спросила я. И она мне во всем призналась. Сказала «прощай» и вышла из комнаты, прикрыв дверь. Я кричала, звала ее. Я поняла, что случилось самое страшное...- Анна посмотрела на майора полными слез глазами. – Что она с собой... сделала? – Губы ее дрожали, весь вид говорил, что правду услышать боится, но стойко ее примет.

- Ваша мать выбросилась из окна. Без шансов...

Валерка Шурупов вышел в другую комнату. Ромка решил, что он не может видеть чужие страдания. Но Валерку интересовало окно, из которого выпала мать Анны Кеняйкиной.

Мысль, затерявшаяся среди другой нужной и ненужной информации, нашлась, выскочила наружу, как пробка из бутылки шампанского, которую зачем-то сильно трясли перед вскрытием.

- Занавеска, - задушенным шепотом проговорил он. И задал совершенно неуместный, по мнению друга, вопрос, - Ромка, сегодня ветренная погода?

- Нет, видишь, занавеска не шевелится.

- А когда мы подслушивали под дверью, ты говорил, что это не плачь, а ветер гуляет.

- Я же должен был что-то сказать, промолчать не в моих правилах... А почему ты спросил? – опомнился друг.

- Надо кое-что проверить.

Мальчишки пропустили момент, как в квартире появилась девушка из сто двадцать шестой квартиры, предоставившая им временный приют, которым они пренебрегли. Она сидела на стуле рядом с кроватью Анны, гладила ее по руке и успокаивала. Говорила она тихо, словно не хотела, чтобы ее кто-то услышал, кроме самой Кеняйкиной. Остальные присутствующие переговаривались шепотом, тем неожиданней и пугающе прозвучал зычный истерический голос.

- Анна! У вас на подушке здоровенная крыса!

Анна, бывшая секунду назад немощной больной, прикованной к постели, подскочила и впорхнула ласточкой на высокий комод. Забралась на него с ногами, воззрилась на свою подушку с собственной отметиной от головы. И только потом опомнилась. Мгновенно глаза высохли, взгляд стал дерзким и злым.

- Что и требовалось доказать, - трагическим голосом заявил младший Шурупов, будто доказательства приписывались не ему, а научному конкуренту.

- Я всегда знал, что девчонки бояться крыс, - добавил Роман Дианкин, примазываясь к славе победителя.

- Но как ты узнал, что Анна пикируется лежачей больной? – спросил майор Шурупов.

- Когда перед нами рухнуло на землю тело, я поднял глаза. Увидел распахнутое окно и занавеску, которая находилась снаружи. Потом я опять поднял глаза, и увидел, что занавеска затянута внутрь. Сама по себе она бы не затянута – сегодня штиль. Значит, ее кто-то затянул. Кто? Кроме Анны в квартире никого не было.

- Зачем было затягивать занавеску? Пусть бы себе и колдыбалась снаружи, - задумался Дианкин.

- Самоубийца не пытается ухватиться за что угодно, находящееся в непосредственной близости от него, - ответил за сына майор Шурупов.

Анна Кеняйкина сползла с комода, вернулась в постель, и восторженно проговорила:

- Мальчику удалось сотворить чудо! Он смог сделать то, чего не смогли сделать доктора за пять лет!

- Артистка! – также восторженно брякнул Ромка, а его друг, сотворивший чудо, заметил:

- Чистосердечное признание смягчает наказание.

- Ну, убила я этих двоих, и что?! Заслужили! Один, Пардонцев, меня покалечил. Другая, мамочка дорогая, всю жизнь занималась своей личной жизнью, до меня ей не было никакого дела! Решила ее наказать – лежала трупиком недвижимым, она за мной ухаживала. А потом всё надоело...

- И как бы вы жили дальше? – спросил Валерий.

- В скором времени выздоровела и зажила, как все люди.

- И кошмары по ночам бы не мучали? – задал вопрос Роман. – Все-таки двух человек убили?

- И с вами бы расправилась, чертовы вундеркинды, рука бы не дрогнула. – Бледная хрупкая девушка вульгарно захохотала. Отсмеявшись, сказала, – вспомнила обалдевшую физиономию Пардонцева, когда он увидел меня на

первом этаже. Не мог слова сказать, на топор в моих руках внимания не обратил. И начал вертеться, будто хотел спросить, в какое измерения он попал. Тут я его и ударила топором. А мать в это время сладко спала под действием убойной дозы снотворного.

- Не вундеркинды мы, обычные третьеклассники обычной общеобразовательной школы, - торопливо сообщил Валерий, чтобы избавиться от картины убийства Ильи Пардонцева.

- Четвероклассники, - поправил друга Дианкин.

- Почему Пардонцев согласился подменить лекарство? – спросил Владимир Шурупов.

- Я объяснила, что хочу тихо уйти из жизни. Лекарство мне всегда давала мать, она бы не узнала о подмене. Пообещала, что напишу предсмертную записку: никого не виню, сама так решила и всё такое. Он был только рад избавиться от такой непосильной ноши...

- Валерик, ты вещи собрал? – поинтересовалась мама, заглядывая в комнату сына.

- Собрал, - нехотя, ответил сын.

- К тебе Рома пришел, - сообщила она.

- Пусть заходит.

- Валерка, ну ты скоро? – прокричал из прихожей закадычный друг.

Пришлось Валерке выйти. Дианкин лучился счастьем. У его ног стоял увесистый рюкзак.

- Чего ты ко мне с вещами приперся? – процедил сквозь зубы Валерий, мысленно возмущаясь радостным видом приятеля.

- Не понял, - протянул Ромка, скривив при этом рот. Улыбка стерлась с уст. – Ты не хочешь ехать?

- Хочу, не хочу, кто меня спрашивает. И причем здесь твой рюкзак, с которым ты никак не хочешь расстаться, даже прощаться с ним пришел.

- Почему я должен с тобой прощаться? Или ты не едешь? Тогда и я не поеду!
– с вызовом заявил Ромка.

Входная дверь открылась, зашел Владимир Шурупов.

- Лена! В чем дело? Я вас жду!

- Что-то я ничегошеньки не понимаю, - тряся умной головой, промолвил Валера.

- Дядя Володя, а вы ему ничего не сказали?

- Хочу, чтобы у него было такое же лицо, как у меня вчера, когда он уличил во лжи нашу «лежачую больную».

- Кто-нибудь мне что-нибудь объяснит?

- Валерка, мы едем с тобой в Крым, в детский лагерь!

- Мы? С тобой? В Крым? В лагерь?

- Ага! Твой папа нам путевки достал!

- А как же бабушка?

- Бабушке и твоего братца Николая за глаза хватит!..

Сентябрь 2015г.